

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 6 • февраль • 1986

— Разрешите, товарищи! У меня досрочная!

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Делегат XXVII съезда КПСС,
почетный академик ВАСХНИЛ,
дважды Герой Социалистического Труда
Т. С. МАЛЬЦЕВ:

САМЫЙ
ВКУСНЫЙ
ХЛЕБ

— Терентий Семенович, вы заметили, что некоторые хозяйственники на селе еще не готовы брать ответственность на себя?

— Да, принцип «укажут—сделаем», увы, по-прежнему еще не изжит. Попробуйте продиктуйте сельчанину, что на его личном огороде лучше бы картошку посадить, а не свеклу, он на дыбы встанет! А вот в отношении земли колхозной иной сельский

руководитель не решает свое мнение отстаивать. Я бы таких назвал соглашателями и перестраховщиками: сделал, дескать, как приказано, а в случае неудачи—дядя виноват.

— Очевидно, главное, чтобы каждый труженик села считал общественную землю своей?

— Когда в 1930 году избрали меня полеводом колхоза «Заветы Ленина», я стал эту нашу землю считать своей. Казалось, что вся она—моя и хлеб на ней растет—мой. Уберут хлеб, сдадут государству—он уже не мой, а наш. А земля-то моя остается! Опять холить ее, кормить, поить, готовить к новым урожаям.

Мы боялись раньше слова «мужик». Искореняли его. Мужиком кого называли—прямо оскорбление. А теперь-то именно этого приклеившего к земле мужика и не хватает! Образованность есть, и нужно это очень, не спорю. Но нужно и другое: уверенность в себе, гордость за свой труд. Закончат сейчас ребята 10 классов—и давай считать себя людьми, никакого

ДАЕШЬ УСКОРЕНИЕ!

До сих пор слово «ускорение» встречалось главным образом в школьных учебниках физики. Правда, совсем недавно оно стало числиться и по космическому ведомству. В самом деле, мы чаще всего произносили его, говоря об искусственных спутниках, пилотируемых космолетах, межпланетных станциях, спешащих на очередное свидание с загадочной Венерой или пунктуальной кометой Галлея.

Но вот, громко прозвучав с трибуны апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, слово это обрело иной—высокий, но очень земной смысл, близкий и понятный каждому советскому человеку. Сегодня оно лаконично и весьма точно определяет суть происходящих в стране по воле партии перемен, той новизны, что явственно ошутима во всех сферах нашей жизни.

УСКОРЕНИЕ! В этом слове отчетливо слышится эхо яростного, горячего, рожденного Октябрем клича «Даешь!», наполненного энтузиазмом, непоколебимой верой в правоту нашего дела.

«ДАЕШЬ!»—гремело на лесах Магнитки и Днепрогэса. С этим крылатым словом спускался в забой Алексей Стаханов, садился за штурвал трактора Паша Ангелина...

Как эстафета трудового подвига пришел этот звонкий, овеянный романтикой первых пятилеток лозунг на целину и БАМ, на просторы Нечерноземья, в тюменскую тундру...

В горах дел, в суматохе явлений мы обрели богатейший опыт, который позволяет нам уверенно шагать в завтра по ступеням пятилеток. Новое ускорение ставит перед экономикой, наукой и культурой страны качественно иные задачи. Их решение требует от каждого из нас полной отдачи сил, творческого дерзания, смелости. Вот где должен в полной мере проявиться человеческий фактор.

Человеческий фактор—понятие емкое, многогранное. Это выскательность и принципиальность во всем и ко всем, независимо от должностей и званий, обязательное обеспечение слова делом, непримиримая борьба с расточительством, бюрократизмом, пустозвонством, чиновным чванством, инертностью и рутинной.

Это поиск новых, современных решений на каждом рабочем месте: в проектно-институте, на хлебном поле, в министерском кабинете, в сельском клубе и за рабочим столом писателя.

Это высокая компетентность, готовность взять на себя ответственность за рискованное с точки зрения, увы, весьма живучего перестраховщика дело.

Сегодняшний номер—а он выходит накануне XXVII съезда КПСС, который утвердит программу мирного строительства,—мы посвящаем мощнейшему двигателю ускорения—человеческому фактору.

В номере—очерки наших корреспондентов о людях энергичных, инициативных, самоотверженных в труде.

В нем—образительные и стихотворные обличения тех, для кого лозунг «Даешь!» крайне неуютен и тревожен, а посему они делают вид, будто у них заложено уши и призыв к ускорению ими как бы не расслышан.

В нем—беседы с людьми, известными всей стране, которым присущи хозяйский, государственный взгляд на дела и заботы страны, глубокое осознание своей личной ответственности за общий успех.

О земле-кормилице, ее настоящем и будущем, мудрое слово Терентия Семеновича Мальцева. Слово требовательное, не сглаживающее острых углов. Руководитель комплексной бригады Нижнеартовского треста «Мегионгазстрой» Николай Павлович Нежданов говорит о резервах газовой и нефтяной Тюмени, о том, что мешает использовать эти резервы. О своей работе, о трудностях, с которыми приходится сталкиваться, рассуждает токарь производственного объединения «Электростальтяжмаш» Владимир Михайлович Ярыгин.

Итак, на вахту заступила новая пятилетка. В борьбе за выполнение поставленных партийных задач мы опираемся на прекрасные трудовые традиции, которыми так богата наша страна. И потому сегодня по праву стоят рядом два хороших слова:

ДАЕШЬ УСКОРЕНИЕ!

Свой главный недостаток Мальхихин изживает уже шестой год. Однако—свидетельствую сам и призываю в свидетели всех, кто хорошо знает Олега Ивановича Мальхихина, директора Луцкого автомобильного завода,—по прошествии половины десятилетия изживаемое качество все так же упорно продолжает бросаться в глаза.

Выражение «главный недостаток главного» появилось в 1980 году, когда тридцатидвухлетний Мальхихин утверждался директором автозавода. Кто-то в Минаятопроме СССР традиционно пошутил, что молодость, конечно, для такого поста недостаток, но с годами недостаток пройдет. Однако шутка эта звучала с известной долей опаски: в руки, по современным понятиям, мальчишки отдавались бразды правления сложнейшим хозяйством. Не наломает ли «юнец» дровишек? Ведь не кнопки канцелярские выпускает завод—автомобили!

Годы, в течение которых директорствует Мальхихин, убедили даже отъявленных скептиков: «недостаток главного» скорее одно из его достоинств...

— Выполняю собственный приказ,—сказал Мальхихин, садясь за руль «луазика» и приглашая вашего корреспондента занять место пассажира.—Каждый заводской руководитель—мастер, конструктор, начека, инженер—обязан наездить ежемесячно сотню километров за рулем серийной модели «ЛуАЗа». Когда о недостатках машины знаешь не по рекламациям или жалобам, а по собственному опыту, активизируется инженерная мысль. Глядишь, сотня километров тряски вытрясет из кого-то решение, как лучше устранить ту или иную недоработку в конструкции.

Сильные и слабые стороны изделия своего завода директор Мальхихин знает наизусть. Как говорится, все пришлось пощупать собственными руками в те времена, когда был сначала мастером, затем начальником цеха, потом главным инженером Луцкого автозавода. Короче говоря, опыта директору не занимать.

— Поехали?—спросил Олег Иванович и с пол-оборота завел мотор. Для тех, кто плохо разбирается в моделях автомобилей, скажем: «ЛуАЗ-969М»—это грузо-пассажирская малолитражка. Если вы встретите на дороге шустрое авто размером чуть побольше «Запорожца» с наполовину брезентовым кузовом и вполне комфортабельную внутри, знайте, что перед вами сработанная в Луцке «Вольнянка». Так ласково и неофициально называют этот автомобиль его владельцы.

— Ну, с приказом пользоваться автомобилем как генератором идей все ясно,—сказал крокодилец, когда «Вольнянка» набрала приличную скорость.—А было ли распоряжение по заводу, которое можно приписать только молодости директора?

— Оно и сейчас действует: по вторникам руководители завода должны являться в спорткомплекс.

— Для зарядки?

— Для разрядки. Представляете, вечером, после работы, собираются в спортзале начальники цехов, конструкторы, парторг, комсорг, директор. Вымотались все за день. Накопили отрицательные эмоции. А тут—мяч футбольный. Ворота. Народу—как раз на две команды. Часа через полтора смотришь: все отрицательные эмоции в удары по мячу ушли! На следу-

ющее утро четко видно: вот тот, унылый, вчера пришел в спортзал. А с этим мы вчера в паре четыре гола забили, и сегодня в глазах у него не недосып, а энергия... Я, кстати, откровенно люблю людей неистовых, азартных в работе.

Наш автомобильчик свернул в переулок, легко удержавшись на скользком полотне, снова выскочил на широкую дорогу.

— А вот за это здание я получил одну из «пишек»,—сказал Мальхихин, на минуту притормозив возле жилого дома.—Впрочем, на эту «пишку» шел сознательно.

— Был резон?

— Резон серьезнейший. Вы когда-нибудь снимали с семьей угол или квартиру?

КАКИЕ
НАШИ
ГОДЫ!

— Довелось...

— И мне довелось. Знаю, что это за удовольствие. Так вот, данное здание закладывалось как обыкновенное общежитие. Построили мы его, пора заселять. А перед заселением я узнал, что почти сто пятьдесят молодоженов, наших, заводских ребят, снимают квартиры. А что такое снимаемая квартира? Это солидный минус из семейного бюджета—раз, вечное опасение, что у хозяев изменятся виды на жилплощадь,—два... В общем, сознательно превысив полномочия, я распорядился отдать общежитие молодым семьям. За самоуправство получил взыскание. Зато молодожены получили вполне сносные условия для семейной жизни...

Наш «ЛуАЗ» выписывал по Луцку замысловатую кривую, демонстрируя хорошую приемистость и отлично слушающую руля. Свивая маршрут поездки из затейливых петель и продолжая разговор о жилье, Олег Иванович показал три жилых дома—тридцати-, тридцатипяти- и сорокаквартирный,—построенных силами и средствами завода. Они существенно укоротили и саму очередь, и сроки ожидания. Сейчас заложено дом на 110 квартир, и ежедневно Мальхихин находит время, чтобы узнать у своего зама по капитальному строительству о положении дел на стодесятиквартирном.

— Почему надел на шею строительный хомут?—предвосхищая вопрос, сказал директор и вывел машину на дорогу к автодрому.—Жилье—сильнейший стимул. Тем более теперь, когда 5 процентов выделяемой предприятию жилплощади администрация может распределять по своему усмотрению. Вы понимаете, какой рычаг получила дирекция? Наградить человека за отличную работу не чем-нибудь, а квартирой! Вне очереди! Мы в прошлом году смогли таким образом две 4-комнатные квартиры вручить. И сделали это с широкой оглаской. Каждый теперь знает: за ударный труд и награда будет ждать весомая.

отношения к деревне не имеющими. Значит, что-то мы упускаем в сельской школе. Ведь приучать к земле не значит провести один спецурок в неделю и объяснить принцип работы трактора. С первого класса должны малыши почувствовать, что земля для них — основа всего, что она для них такая же родная, как мать.

— Терентий Семенович, изменился ли теперь критерий «взрослости»?

— Да, еще как! Раньше быть взрослым означало — обязанности. Теперь зачастую это прежде всего иметь права. Скажем, право курить и выпивать по праздникам с родителями.

Вот и подошли мы к самому страшному бичу, самой большой боли современного села. Здесь многое зависит от примера родителей.

Когда умерла моя мать, шел мне четвертый год. И был я единственным сыном у отца, остальные — сестры. Отец возлагал именно на меня, на «мужичка», основные надежды. А в девять лет я заболел. Тяжко. Отец бухнулся в отчаянии на колени: зарок даю — ес-

ли сынок оживет, до смерти пить не буду! И не пил. А я отцу еще мальцом пообещал: не пить, не курить. Главное, самому осознать пагубность вина. Один из секретарей Шадринского горкома партии пожаловался мне: «Что делать, — говорит, — ума не приложу. Ограничили продажу спиртного — начались дикие очереди. А в очередях-то и начальство можно встретить, и передовиков, уважаемых, одним словом, людей! Пример-то какой? А что сделаешь, имеют право».

Я и ответил секретарю:

— Ты о таких правах не думай. Возьми-ка разок и сразу после открытия магазина объяви по шадринскому радио, чтобы на всю округу гремело: «Товарищи страждущие! Народу за водкой много, стоять долго. Так вы начальство без очереди пропустите! Они люди занятые, им стоять некогда, им надо на работу идти и народ воспитывать». Глядишь, хоть совесть у них проснется!

— А что, по вашему мнению, требуется от современного руководителя?

— Грамотность. Смелость. Незаурядное мастерство. Еще — умение работать с кадрами. Мало на селе людей, а поэтому каждый должен трудиться в полную силу. Колхозники долго не получали пенсию. Обижались. Стали давать им пенсию. Получили они право не работать — и силы вроде есть, но люди уходят на пенсию.

Со стимулами у нас не все ладно. Теперь ведь ежемесячно деньги из банка получаем. От урожая не зависим. А надо бы зависеть!

Мудрость, опыт хлебопашца накапливались веками, и наше дело — не растерять ни крупички.

Терентий Семенович днем не успел пообедать. Вечером у него в гостинице — корреспонденты, друзья, поздравляют с девяностолетием. Мальцев открыл чемодан, достал хлеб:

— Угощайтесь, наш, шадринский.

— Что же вы — в Москву со своим хлебом?

— А как же? Самый вкусный свой-то!

«Вольнянка» проявляла прямо-таки чудеса проходимости. Чавкающая грязь глубокой, в четверть метра колеи давно остановила бы и «Жигуленку», и «Москвича». «Луазик» бодро бежал вперед, разве что урча чуть повыше, чем на ровной дороге...

— Олег Иванович, только честно: ударом было бы для вас оставить директорский кабинет?

— А я его недавно чуть сам не отдал. Достали мы подержанную ЭВМ «ЕС 10-22». Не может современный завод без собственного вычислительного центра обходиться. Вообще-то ВЦ на автозаводе должен по плану в 90-х годах строиться, но решили поторопить события. Однако здание центра только закладывалось. Ждать, пока выстроим, — значит ЭВМ на простой обречь. Думали с Николаем Осташом, начальником машиносчетной станции, где установить ЭВМ, думали... Не находится места... А, говорю, пейте мою кровь — забирайте под это дело директорский кабинет! Правда, нашли-таки место, не выселился я из кабинета...

— Отштутились вы, Олег Иванович. А если серьезно?

— Если серьезно, — ответил Малышкин, въезжая на автодром и останавливая машину перед крутым, градусов в 50 песчаным подъемом, — то, конечно, было бы досадно оставить на полпути задуманное. — Директор перебрал рычаги, включая оба моста «Вольнянки», и подвел ее к кручу.

— Не поднимется, — усомнился крокодилец.

— Как миленькая, — сказал Малышкин и дал газ.

Через три минуты мы стояли на вершине горки, и директор продолжал ответ на вопрос:

— Много задумано. Новую модель готовим. Нужно для нее добиться получения двигателя с нового «Запорожца». Нужно добиться разрешения строительства базы отдыха на Черном море. Нужно новый цех-гигант на полную мощность выводить. Прошлую пятилетку мы досрочно выполнили — нужно темпы не сбавлять. Переходящее знамя объединения «АвтоЗАЗ» завоевали — хотелось бы не отдавать. «Вольнянку» недавно начали покупать у нас и за рубежом — неплохо бы и увеличить поставки. Дел по горло. На две жизни хватит. Хотя, впрочем, какие наши годы!

На этой фразе и закончилось, собственно, интервью. Малышкин, заинтересовавшись посторонним, по его словам, стуком в двигателе, открыл капот, а я закрыл блокнот, подумав о том, что тысячу раз не правы те, кто считает молодость недостатком руководителя. Кому, как не молодости с ее энтузиазмом, постоянной нацеленностью на штурм новых высот сдвигать горы? Бьющая через край энергия руководителя заряжает собой весь коллектив. И молодит душу коллектива...

Олег Иванович снова сел за руль.

«ЛуАЗ», послушный воле водителя, резко набирая скорость, покотился по гребню в сторону другой, более высокой горки...

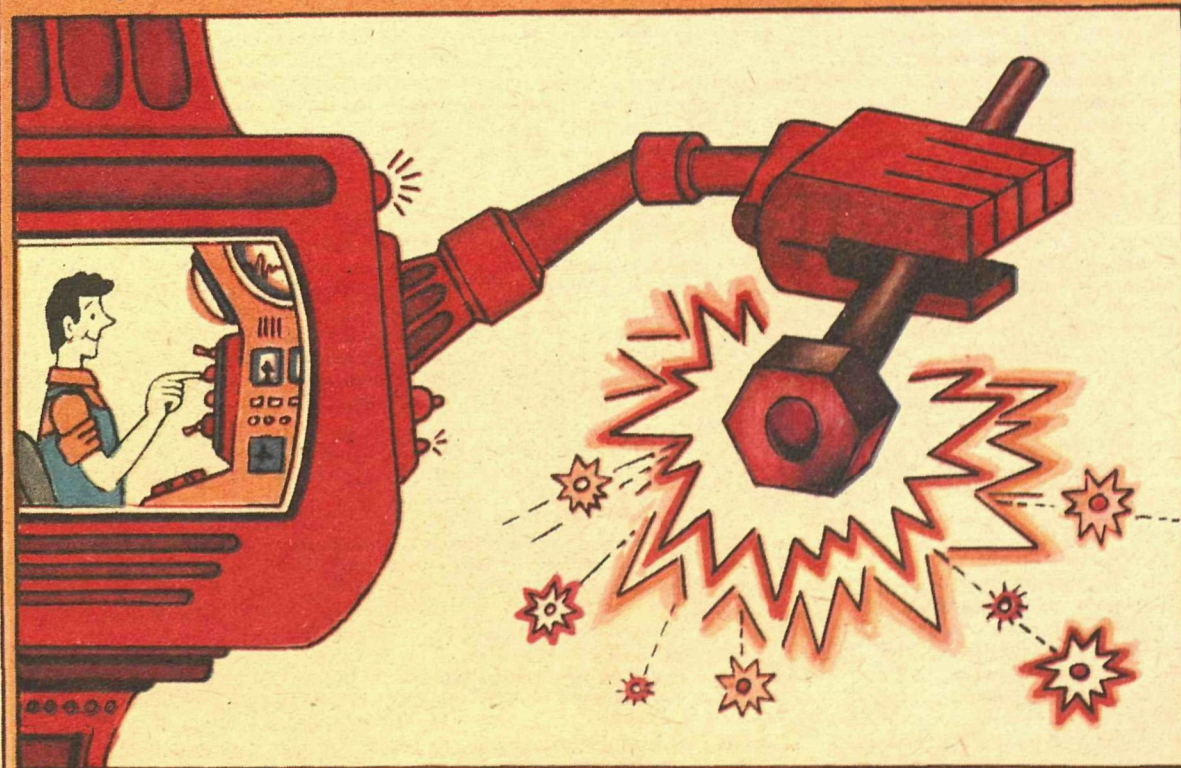
Машину вел директор Луцкого автозавода
О. И. МАЛЫШКИН.
Интервью вел специальный корреспондент
Крокодила А. ЯЧМЕНЕВ.

Украинская ССР.

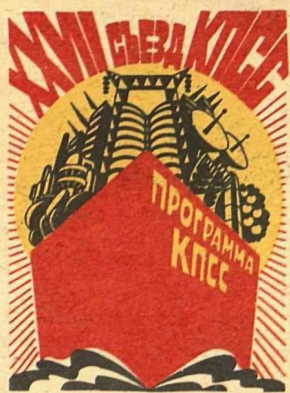
— Молодец Петров! В гору пошел!

— Так у него же...

...рука в цехе.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

Актуальные строфы

В потоке дней и ритме буден,
В преодолении помех,
Конечно, людям, только людям
Принадлежит любой успех.
Кипучим, стойким и умелым,
Кому столь многое дано,
Кто досконально знает дело,
Кто честен, смел и точен, но...

Увы, читатель, нет секрета
В том, что среди множества людей
Беспечно существует где-то
Иной работник-«чудодей».
Пронзать не надо
Строгим взглядом
Небесно-голубую даль,
Поскольку «где-то» — это рядом
(Небесполезная деталь!)...
Итак, живет он и не тужит,
Уж так, как видно, повелось,
Не тужит он
И верно служит
Божку по имени «АВОСЬ».
В его устах закономерно
Звучат, признаться вам, давно
Слова «наверно»,
И «примерно»,
И «при-при-при-бли-зи-тель-но...».
Зачем раздумья и расчеты?
Беда совсем невелика,
Коль взяты цифры без заботы
Из пальца или с потолка.
В них ни на йоту не уверен
(Они делаем его под стать),
Он думать явно не намерен
И уж тем более считать!
И нет занятия дороже,
И нет желания родней,
Чем заверять:
— Авось, доложим...
— Небось, и сложим, и умножим...
— И даже, может, подытожим...
— Примерно через...
...надцать дней!
Он поразить кого-то хочет,
Гремит призывом, как тамтам,
А между тем и между прочим
«Авось» пока и ныне там...

...Что ж, повторимся: в ритме буден
Не зря гордимся мы собой —
В конечном счете только людям
Принадлежит успех любой.
Тем, кто в себе уверен прочно,
Кого фразерство не влечет
И кто берет на службу точный
Экономический расчет!
Кто от восторга зря не скачет,
А добивается не раз
Воистину высоких качеств
Своей работы, а не фраз!
Кто знает, что и сколько стоит,
В своих решениях мудр и зрел,
Кто нынче так прибор построит,
Чтоб он «вчера» не устарел!
И кой-кого запомнить просим
(Пусть это им не по душе!),
Что всем «авосьям» и «небосьям»
Нет места в нашем багаже!

— Из «Крокодила»? И что же я такого натворил? — спросил меня молодой человек в замасленном комбинезоне, вылезая из утробы комбайна «Херсон-200».

Он прищурился, и от черных глаз его побежали лучики.

Я ответил ему в тон:

— Очень многое. В частности, меня интересует то же, что многих других, а именно секрет Пармакли.

— Секрет? — Он задумался.

Пока мой собеседник думает, я представлю его читателю.

Савелий Михайлович Пармакли, начальник 11-го механизированного отряда колхоза «Красное знамя». Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР.

И звание Героя, и депутатский мандат получил Савелий Михайлович за свой труд на полях этого молдавского колхоза, в родном селе Валя-Пержей. Выращивает Пармакли кукурузу, да так, что не могут за ним угнаться все молдавские кукурузоводы. И не только молдавские. Едут к Пармакли экскурсанты со всей страны, приезжают и задают один и тот же вопрос: «В чем заключается секрет, которым владеет кукурузовод Пармакли?»

Этот навязчивый в зубах вопрос задал и я, корреспондент Крокодила. Конечно, Савелий Михайлович мог порекомендовать мне познакомиться с написанной им брошюрой о своем опыте или отослать меня к агроному, который

после этого начинается тот процесс, о котором рассказал мне Пармакли: четыре-три-два-один-пуск!

Что дает такая технология? Во-первых, после сева и до самой уборки не надо проводить на кукурузном поле никаких работ. Стало быть, резко снижается трудоемкость этой культуры. Во-вторых, что самое главное, значительно повышается урожай. Уже в первый год работы по новой технологии производительность труда в мехотряде Пармакли возросла в четыре раза, а урожай — почти вдвое, достигнув 70 центнеров с гектара. Для южнотомских засушливых районов это показатель небывалый.

Однако — не странно ли? — когда на следующий год опыт Пармакли был распространен на весь Чадыр-Лунгский район, хорошие результаты получили далеко не все. Вот тогда-то и возникло предположение, будто у Пармакли имеется какой-то особый секрет.

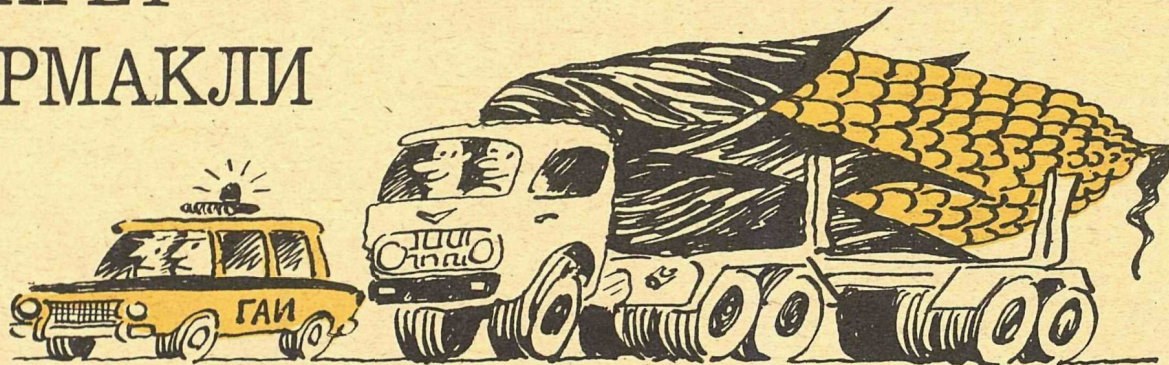
Пошли даже разговоры, будто для Пармакли созданы некие тепличные условия, что для Героя делается больше, чем для других.

Побывал я на полевом стане бригады.

Да, есть там и смотровые ямы, и эстакады, и ремонтные мастерские, и уютные коттеджи для отдыха механизаторов, и даже баня. Да только построили все это они сами, в свободное от полевых работ время, причем первым в свои большие руки брал лопату Пармакли. Если честно, так колхозное руководство скорее во многом Пармакли отказывает, считая, что он и так справится.

СЕКРЕТ Р. БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ПАРМАКЛИ

даст исчерпывающие объяснения, что такое индустриальный метод возделывания кукурузы. Но секрет, как выяснилось дальше, вовсе не в этом. А в чем же?

Подумав немного, Пармакли решил все объяснить просто и образно.

— Вы когда-нибудь бывали на Байконуре?

— Нет.

— Если не бывали, то запуск, вероятно, видели по телевидению. Так вот, у космонавтов принято считать: пять-четыре-три-два-один-пуск! Как только раздается команда «Пуск!», ракета взрывается в небо...

— Простите, — решился перебить я, — но, насколько я сведущ в сельском хозяйстве, у вас ничего не взрывается...

— Пусть так. Но ведь вы хотите узнать, в чем заключается мой секрет. А он заключается в том, что все операции на поле распланы четко и по минутам, как на космодроме. Четыре — машины на старт. Три — автомобиль с навесным опрыскивателем пошел на обработку пашни гербицидом «эрадикан». Два — тракторы К-700 и Т-150 дисковыми боронами ведут засыпку обработанной почвы, чтобы не улетучился гербицид. Один — специальные комбинированные культиваторы превращают землю в пух. Пуск — начали сев!.. На все предыдущие операции дается двадцать минут. Ни больше ни меньше. И ни одной операции нельзя пропустить, иначе все пойдет прахом. Такая вот по-космически четкая технология.

Я смотрю на уверенные жесты, на спокойный взгляд знающего свою силу человека. В нем есть обстоятельная неторопливость крестьянина и хватка смекалистого рабочего. И еще есть в Пармакли жадное любопытство ко всему новому, неизведанному.

Об этой его черте рассказал мне первый секретарь Чадыр-Лунгского райкома партии Илья Ильич Арнаут.

В 1977 году, когда в Чадыр-Лунге стали думать, как резко увеличить урожайность кукурузы, Арнаут сказал: — Поручим внедрение нового метода Пармакли.

Илья Ильич не ошибся. Пармакли внимательно следовал рекомендациям ученых, собирая жемчужные зерна опыта. Так делал первые шаги индустриальный метод возделывания кукурузы.

Суть его заключалась в том, что задолго до вспашки тщательно отбираются подходящие для кукурузы участки. Определяется набор гербицидов — для уничтожения сорняков, которые обычно накидываются на кукурузу, как волки на овечье стадо. Подбираются оптимальные гибридные семена, устанавливается расстояние между рядками и общее количество растений на поле. Ну, а уж

...Когда мы селились в бригадирский оранжевый «Москвичок», чтобы ехать на поля, Савелий Михайлович взял с собой два блока сигарет «Дойна».

— Вы так много курите?

— Что вы! Это ребятам. Ведь не останавливать же трактор или комбайн, когда курево кончается. Вот я наряду с бригадирскими обязанностями выполняю еще и «снабженческие».

Я уже знал, что жена Пармакли Татьяна Ивановна, работавшая в райцентре, теперь кашеварит на его полевом стане и готовит обеды для всей бригады...

Может быть, именно забота о людях и способствует повышению урожайности полей?

— Кстати, об урожайности, — усмехается Савелий Михайлович. — Этот показатель легко может стать лазейкой для надувательства и приписок. Надо бы считать урожайность по чистому амбарному весу зерна определенной влажности. А сейчас считают кто как горазд: и по бункерному весу, и по весу привезенного на ток зерна. Сор, шелуха, пыль — все засчитывается как зерно. Может, и вес комбайна засчитывать? — сердится он.

Прав Пармакли. Бункерный вес на руку очковитирателям. Ведь есть масса способов «повысить» урожайность: можно начать уборку раньше срока — и зерно будет влажное и тяжелое; можно подборщик комбайна опустить так, что вместе с зерном в бункер попадет земля; можно с помощью решета и вентилятора направить в бункер полово. Одним словом, применяя маленькие хитрости, можно создать в отчетности полный ажур. Но урожай от этого больше не станет.

— Пора бы, — говорит Пармакли твердо, — ввести четкий стандарт на сдаваемое зерно, как это делается, скажем, по семенной кукурузе.

Мы шагали по дротикам стеблей сжатой кукурузы. — Савелий Михайлович, выходит, вы решили все проблемы кукурузоводства?

— Шутите! А я вот вспоминаю, что, когда отменили пропашку и перешли на гербициды, их стало катастрофически не хватать. Многие гербициды теперь дефицит. Кроме того, химикалии надо постоянно менять, иначе сорняки к ним привыкают. А у нас имеется практически только один вид гербицида...

— Что вам пожелать на прощание, Савелий Михайлович? Побольше гербицидов?

— И дождя, — ответил кукурузовод Савелий Пармакли, пожмая мне руку.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Ответственный секретарь Центрального совета
ордена Ленина Всесоюзного общества
изобретателей и рационализаторов **Е. Л. ЕГОРЫЧЕВ:**

ИЗОБРЕТАЙТЕ, ВОИР ПОМОЖЕТ!

Сначала краткая справка. ВОИР создан в 1958 году. Сегодня на многих предприятиях изобретатели и рационализаторы своим творческим трудом обеспечивают половину всей экономии материальных ресурсов, третью часть экономии топлива, электроэнергии, роста производительности труда. В год рождения ВОИР общая экономия от использования технических новшеств, созданных изобретателями и рационализаторами, составляла около одного миллиарда рублей, за прошлый год — более семи миллиардов. Сегодня ВОИР объединяет в своих рядах свыше 13 миллионов новаторов.

— Евгений Лазаревич, известно, что далеко не каждая новинка техники становится изобретением. Как же «выводятся в люди» новые технические решения?

— Сначала определяется, действительно ли они открывают новую страницу в технике, или, как говорится, «изобретен велосипед». (Хотя отношение к велосипеду здесь явно несправедливое, новаторы упорно продолжают изобретать их и, надо сказать, не напрасно. Недавно, например, был создан новый велосипед — для езды по снегу.) А далее, если говорить несколько схематично, происходит так: разработки, обладающие мировой новизной и полезностью, признаются изобретениями. Однако изобрести что-то новое — это полдела, необходимо еще внедрить, чтобы, как вы говорите, вывести его «в люди», чтобы не пропали даром творческий труд и те материальные затраты, которые были вложены в создание этого изобретения или рационализаторского предложения. А как часто внедрить бывает сложнее, чем изобрести, и, к сожалению, сколько еще времени и сил приходится затрачивать на преодоление различных преград, чтобы довести многие технические новшества до промышленного использования!

— Значит, ВОИР — организация боевая?

— Конечно. Обидно только, что «сражаться» приходится часто с людьми, которые сами должны быть в наибольшей степени заинтересованы во внедрении, — с хозяйственными руководителями! Увы, у нас в стране ежегодно регистрируется изобретений в три раза больше, чем внедряется в народное хозяйство. Можете вы представить, чтобы хороший хозяин, имея в доме, скажем, прекрасную электродрель, ковырял стену гвоздем? А вот в нашем важном государственном деле такое случается. Еще в 1950 году, например, изобретателем завода «Ташсельмаш» М. П. Егоровым был создан новый, высокопроизводительный и удобный в работе хлопкоуборочный комбайн, который был слабым местом всех хлопкоуборочных комбайнов. «Полезно, замечательно!» — восхищались многие специалисты и... не внедряли, старательно раздувая несуществующие сложности, действуя по принципу: плохонькое, но свое. Недавно появилось наконец это новое (!) приспособление на полях. А ведь хлопкоробы более 30 лет назад могли бы с его помощью значительно повысить производительность и качество своего труда.

Нередко хозяйственные руководители «зажимают» изобретения и рационализаторские предложения, направленные на экономию материалов, топливно-энергетических ресурсов. Применять-то их применяют и экономию при этом получают, только стараются не показывать ее в отчетах, опасаясь, как бы, чего доброго, не повысили план по этой самой экономии. И уходят творческие достижения новаторов на покрытие брака и бесхозяйственности. В результате и государство несет огромные потери, и автор не получает причитающейся ему вознаграждение.

— Каково ваше главное оружие в этой борьбе?

— Общественный контроль. Сегодня организации нашего общества «ведут» свыше 4 тысяч эффективных технических новшеств — от их создания до внедрения. Около 200 особо крупных контролируется непосредственно Центральным советом ВОИР. Среди них, например, моторный гайковерт, созданный Героем Социалистического Труда, заслуженным изобретателем Молдавской ССР Дмитрием Матвеевко. Один такой механизм способен заменить труд около 100 железнодорожных рабочих. К сожалению, вместе с этим изобретением родилась, как бывает нередко, и серьезная проблема: кому его изготавливать. Сегодня ряд машиностроительных заводов подключился, наконец, к выполнению этого важного социального заказа железнодорожников. Значит, в новой пятилетке будут высвобождены от тяжелого ручного труда тысячи рабочих, среди которых немало женщин.

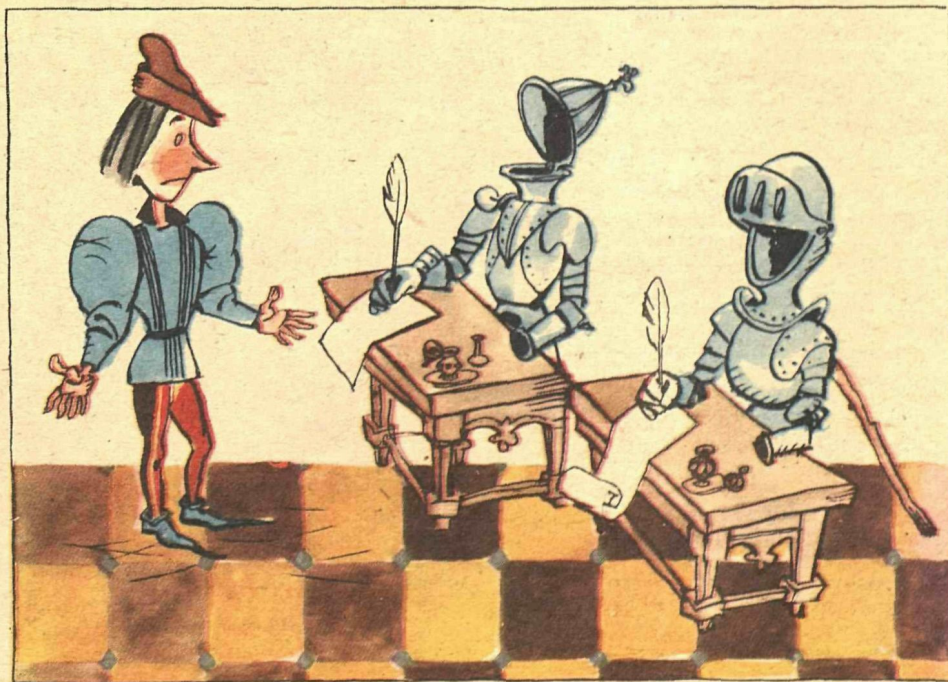
У технического творчества сейчас большие перспективы. Ведь всего за три пятилетки нашей стране предстоит создать такой производственный потенциал, который равен накопленному за все предшествующие годы Советской власти. Тут без армии изобретателей не обойтись! Не случайно 1986 год для нас начался с проведения Всесоюзной недели науки, техники и производства для детей и юношества. Многие ее участники получили недавно свои первые авторские свидетельства на изобретения и удостоверения на рационализаторские предложения. А это гарантия того, что у нас в скором времени будет создана новая техника, которая так необходима сегодня народному хозяйству нашей страны.

— Какую справку?! Письменность еще не изобретена.

— Эврика! Он размяк и все подписывает!

— Когда ни зайді — никого нет на рабочем месте!

Актуальные строфы

Пролог затягивать не будем,
Он ясен каждому вполне:
Есть обязательные люди,
А есть еще с приставкой «не»,
Что без стеснения и такта,
Не уважая общий труд,
Свои обязанности как-то
Необязательно несут.
Носителей такой приставки
Я всех никак не назову —
Их встретишь и в НИИ, и в главке,
Увидишь в СМУ и РЖУ...
Как все, умыты и одеты,
Как всем, зарплата им дана,
Но отличает их примета —
На всех и каждого одна.
Она нетленно-постоянна,
Ее бесхитростная суть
Вместилась, как это ни странно,
В одно короткое «ЧУТЬ-ЧУТЬ».
...Вот некий дядя странных правил,
К другим весьма суров и строг,
Чуть-чуть сырье недопоставил,
Отстроил дом чуть-чуть не в срок,
Чуть-чуть не там провел дорогу,
Чуть-чуть не так решил проект...
Чуть-чуть — ведь это так немного,
Подумаешь, какой дефект!
Всего часок-другой, не боле,
С утра болтал он, как всегда,
Чуть-чуть, понятно, о футболе,
Чуть-чуть о том, что, где, когда...
И упрекать его не пробуй
За тот ли, этот ли пустяк —
Чуть-чуть не ту освоил обувь...
Чуть-чуть не так скроил пиджак...
Но разве он зловерный трутень?
И разве тунеядец он,
Милейший гражданин Чутьчутин,
Что в сан начальства посвящен?
Да нет, он только так устроен
(Легко на свете жить таким!) —
Неукоснительно спокоен
И вежливо-невозмутим.
И нету для него указа,
И нет управы на него:
Де-юре — многое обязан,
Де-факто — вроде ничего.
И только слово «дисциплина»
Ему столь явственно претит,
Что тут же поражает сплином
И отнимает аппетит.
Он сам не любит опоздания,
Что многократно доказал,
Как штык являясь на свиданья,
В концертный зал и на вокзал.
Имеет он достоинств массу —
В своих делах весьма удал
И за своей зарплатой в кассу
Ни разу он не опоздал.
А нрав его узнать хотите?
Тогда хоть раз когда-нибудь
Попробуйте не доплатите
Чутьчутину всего чуть-чуть!..

...И, завершая разговор, мы
Друг друга спросим: чья вина,
Что обязательность из нормы
В событие превращена?
Так пусть всегда и повсеместно
Звучит наш вывод только так:
Быть обязательным = быть честным.
Знак равенства — здесь верный знак.

— Пробовали обменяться опытом без банкета, а оказалось, кроме банкетного, никакого опыта у нас не было.

Рисунок
Г. ОГОРОДНИКОВА.

После публикации документов, направленных на преодоление пьянства и алкоголизма, в стране резко сократилась реализация спиртных напитков. Не все оказались к этому готовы. Во многих местах уменьшение «пьяных» доходов больно ударило по плану товарооборота. Чем заменить «пьяные» рубли и трешки? — такой вопрос со всей остротой встал перед многими руководителями. В Белоруссии в 1985 году план по общему товарообороту перевыполнили. «В чем причина этого успеха?» — таким вопросом задался наш спецкор, подписывая командировку в Белорусскую ССР.

— Смотрите, какие симпатичные кусочки!

— Эти? Ничего особенного. Вон в том контейнере гораздо лучше. Вы, я вижу, плохо разбираетесь в обрезках...

Этот диалог я подслушал в торговом зале минского магазина «Сделай сам», который торгует... отходами. Здесь продаются обрезки металла и древесины, кожи и пластмассы, куски веревок и проволоки, лоскутки материи и меха — словом, все то, что раньше из производственных цехов прямоком отправлялось на свалку. А ведь эти обрезки и кусочки так порою необходимы для мелких домашних поделок.

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

БЕЛОРУССКИЕ МИЛЛИОНЫ

Хотя цены на отходы мизерные, спрос большой, поэтому за прошлую пятилетку в магазине реализовано товаров на 33 миллиона рублей.

Подобные магазины есть сейчас во всех больших и малых городах Белоруссии. В городе Орше, к примеру, где много швейных и ткацких фабрик, в магазине «Сделай сам» в изобилии представлены отходы тканей и нитей. Оборот небольшого магазина — тысяча рублей в день. Эти тысячи и миллионы получены, так сказать, почти из ничего, из воздуха, что не делает их менее весомыми в республиканской копилке.

— Что это вы, кума, в сельмаг с полной сумкой идете?

— Хлеба купить надо, а заодно решила макулатуру сдать...

Существует неприглядный, но, увы, весьма расхожий стереотип сельского заготовительного пункта: этакая ветхая избушка на курьих ножках, вечно запертая по причине отсутствия тары.

В Белоруссии этот стереотип сломали раз и навсегда: скупка у сельчан вторсырья и продуктов подсобных хозяйств поручена сельским продмагам.

Магазин в деревне Юрцево Витебской области мало чем отличается от городских универсамов: светлый торговый зал, единый узел расчета, специальное помещение для хранения контейнеров с хлебом. Отличие лишь в том, что магазин в течение всего рабочего дня работает и как закупочный пункт, скупающий не только продукты, но металлолом и макулатуру.

Сельский общепит тоже ищет пути компенсации «пьяных» доходов. В середине дня к новому зданию ресторана в деревне Андреевщина Оршанского района подъезжают грузовики. Из кухни ресторана выносятся дымящиеся баки и размещают их в кузове. В машину садятся две официантки. Труженики полей прямо на рабочих местах получают вкусную еду и ресторанный сервис.

— Скажите, где можно купить изделия, выставленные на этом стенде?

— К сожалению, везде...

В помещении республиканской универсальной базы Белкоопсоюза с недавних пор работает необычная выставка. Цель ее не просто показать новые товары, но и установить спрос на них. Каждый из разделов выставки состоит из четырех стендов. На первом — товары, выпускаемые в достаточном количестве и имеющие стабильный покупательский спрос. На втором — изделия хорошего качества, спрос на которые в республике не удовлетворяется, причем к каждому прикреплен этикетка, на которой указаны предприятие-изготовитель, «тираж» изделия и потребность республики в нем. На третьем стенде — новинки, предлагаемые к освоению. А вот четвертый смело можно называть «Крокодилским». На нем представлены товары пониженного спроса, которые промышленность с завидным упорством «выстреливает» на протяжении многих лет в огромных количествах. Смотрю на мочалки, не уступающие по твердости наждачной бумаге, на кривые и громоздкие, как турецкие кинжалы, кухонные ножи, на аляповатые пластмассовые люстры, на кособокие лейки и воронки. Печальная картина...

Эта выставка не рассчитана на широкие круги посетителей. Она для представителей промышленности и торговли, которые, осмотрев ее, могут быстро и без всяких заумных подсчетов сделать соответствующие выводы: не-

которые изделия снять с производства, выпуск других, напротив, увеличить.

Только в 1985 году торговым работникам удалось «выбить» у промышленности сверхплановых товаров для населения на 300 миллионов рублей.

Найден еще один мощный рычаг роста товарооборота — перераспределение товаров. Бывает так, что в одном районе республики изделия не пользуются спросом, а в другом, куда их централизованно перебрасывают, с успехом раскупаются. За 1985 год в республике перераспределено товаров на 80 миллионов рублей. Перераспределено и распродано! А не прояви торговые работники гибкости — недосчиталась бы страна этих миллионов.

— Скажите, можно взять напрокат трактор?

— Тракторы все на руках. Можем предложить лошадь. Вам какую — гнедую или пегую?..

Во дворе Любанского райбыткомбината Минской области есть небольшая конюшня. Каждый желающий может взять напрокат лошадь. Этот новый вид услуг пришелся по душе сельским жителям. И не только этот. Сельские приемные пункты берут заказы на ремонт дома, на распилку дров, на рытье погребов и колодезь. По дорогам республики разъезжают машины-мастерские. Брестский

сельский Дом быта наладил прокат тракторов, шанцевого инструмента и сельхозинвентаря, вспашку огородов и приоттавление яблочного сока.

— Супруга дома?

— Нет. Она в подвале играет в бадминтон...

Слова «ФОК» вы не найдете пока ни в одном словаре, даже в словаре неологизмов. «ФОК» значит «физкультурно-оздоровительный комплекс». В Белоруссии эта аббревиатура понята любому школьнику...

Для успешной борьбы с пьянством мало сократить продажу спиртного, нужно еще решить и проблему свободного времени. Здесь ФОКи просто незаменимы, в них сейчас укрепляют свое здоровье 15,2 процента населения республики. А в Гродненской области эта цифра достигает 49,3 процента.

ФОК Партизанского района Минска расположился в подвале на Берестянской улице. Бросовый подвал был переоборудован под зал атлетической гимнастики — с сауной и бассейном, со специально сконструированными тренажерами. Занимаются здесь жители окрестных домов — рабочие и студенты, школьники и пенсионеры. Возраст — от 14 до 80 лет.

Каждый занимающийся платит 6 рублей в месяц — сумма, прямо скажем, небольшая. Но в 1985 году ФОКи в одном только Минске принесли доход в 1 миллион 294 тысячи рублей.

Фоковское движение — одно из самых массовых в Белоруссии. Начиналось оно еще в 1977 году, когда были найдены качественные новые формы работы с населением. И хотя сначала было трудно — не хватало средств и квалифицированных кадров, — но со временем люди поверили в ФОКи, полюбили их. Теперь для них не только переоборудуют подвалы, но и строят специальные комплексы с большими игровыми залами, бассейнами, восстановительными центрами.

ФОКи существуют пока только в Белоруссии. Очень жаль. Я, например, с удовольствием играл бы после работы в бадминтон в подвале соседнего дома. А вы?

Мой собеседник — заместитель Председателя Совета Министров Белорусской ССР Кондрат Зигмундович Терех. У меня к нему только один вопрос:

— В чем, на ваш взгляд, основная причина успехов Белоруссии в выполнении плана товарооборота?

— Постановления о преодолении пьянства не застали нас врасплох, — отвечает Кондрат Зигмундович. — Мы давно уже начали проводить работу по улучшению сферы торговли и услуг. Эта отрасль находится под неусыпным вниманием Центрального Комитета компартии республики и лично первого секретаря. Требовательность сверху донизу — вот наш сегодняшняя девиз. А основная причина, наверное, в людях. Мы стараемся на всех уровнях выдвигать на руководящие посты людей инициативных, изобретательных, болеющих за свое дело, превыше всего ставящих задачу удовлетворения запросов жителей Белоруссии. Такие руководители способны осуществить перелом в сознании своих подчиненных — и это, на наш взгляд, самое главное.

Итак, корень успеха — в людях: смелых и энергичных руководителях и простых тружениках — продавцах, приемщицах, официантках, — в людях, которые не привыкли перекладывать на чужие плечи нелегкий груз ответственности и решений, в людях, живущих и работающих по принципу «Сделай сам!».

Белорусская ССР.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, бригадир комплексной укрупненной бригады нижневартковского треста «Мегионгазстрой», Герой Социалистического Труда
Н. П. НЕЖДАНОВ:

ПРОПИСАНЫ НА ЗЕМЛЕ ТЮМЕНСКОЙ

— Николай Павлович, в чем секрет успешной работы вашей бригады?

— В моей бригаде 115 человек. Работаем на единый наряд. Обустраиваем Самотлорское нефтяное месторождение. Сама жизнь заставляет нас строить быстро и добротно, а для этого приходится решать вопросы самостоятельно и оперативно. На согласование просто нет времени.

Люди, с которыми работаю, — моя опора. Взять, к примеру, нашего бригадного плановика Илью Владимировича Резника. Это он выступил против произвольно устанавливаемых нам цифр, порождающих приписки. Резник сам выезжал на стройплощадки, устно и письменно бичевал недостатки. Очень толковый специалист. По моему приглашению оставил благоустроенный Луцк.

— Как организован труд в вашей укрупненной бригаде?

— Когда бригада начала расти, кое-кто сомневался: а будет ли она управляемой? Надо было продумать все, примериться. Мы организовали пять звеньев по двадцать человек. В звене 2—3 специализированные группы во главе со старшим рабочим. Определяем целевое задание на месяц вперед — бригаде, звену, группе. Устанавливаем конкретный объем работ и сроки. И тогда бригада становится управляемой.

И очень важны, конечно, инициатива каждого, стремление сделать работу быстрее и лучше.

Возьмите хотя бы нашего бетонщика Анатолия Крестова. Виртуоз в своем деле — ухитряется бетонировать в «активные» дни, когда и носа на мороз не высуешь. Целую систему обогрева приспособил на такой случай.

— Каковы у вас основные способы закрепления кадров?

— Прежде всего надо изучить человека, выявить круг его интересов, наклонностей, привычек. Одному, скажем, нужны хорошая рыбалка, грибы или ягоды, и тогда его отсюда на аркане не вытянешь. Другому этого мало. Но все-таки важнейшее условие закрепления кадров — это нормальные культурно-бытовые условия. И главное, конечно, жилищные. Стали мы строить 16-этажные дома с улучшенной планировкой, так называемые московские. Получает человек квартиру в таком отличном доме и, что называется, пускает корни. Обычно на всю жизнь.

— Николай Павлович, как, на ваш взгляд, можно ускорить сооружение объектов для нефтедобычи?

— Первое — это внедрение блочности оборудования. Скажем, если с завода поступил собранный блок, его надо только установить, подключить трубы, и можно работать. Это правильный путь, но еще не отработанный до конца. Заводы часто поставляют блоки некомплектными. В пути их нередко «раскулачивают», так что ни о какой настоящей повышенной готовности блоков для работы пока не может быть и речи.

Второй момент. Сейчас почти все трубопроводы на нефтедобывающем объекте мы прокладываем под землей. Это очень трудоемкий процесс, потому что строим мы или на намытом песке, или на болоте. Есть иной путь — вынести трубопроводы на поверхность земли, на сваи. Этот способ пока мало используется.

И, наконец, третье — бригадный подряд. Я уже второй десяток лет в бригадире и могу сказать уверенно: он просто необходим. Работая на один наряд, люди гораздо больше сплочены, обостреннее ощущают ответственность за дело, понимают, что любые их промахи и недоработки могут подвести всю бригаду. А самый суровый суд — это общественное мнение, суд товарищей по работе.

— Николай Павлович, вы встречались с Михаилом Сергеевичем Горбачевым во время его поездки в Тюменскую область. Какие самые яркие впечатления остались у вас от этой встречи?

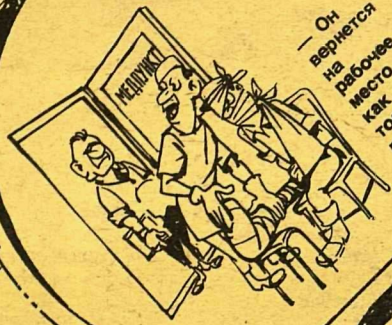
— Ну, во-первых, я со всей глубиной ощутил серьезность и важность стоящих перед нами задач. Ведь Михаил Сергеевич специально приехал к нам для разговора о проблемах увеличения добычи тюменской нефти. Я понял, какие надежды и какая ответственность возлагаются на нас, понял, что нельзя останавливаться на достигнутом, что необходимо работать с большей отдачей.

— Поскольку вы говорите, что не можете содержать безработную жену на вашу зарплату, вот вам список по бракоразводным делам.

— Администрация и служащие должны сотрудничать. Так вот, я приказываю, а вы сотрудничаете, исполняя мои приказы.

— Он вернется на рабочее место, как только выслушает гитс.

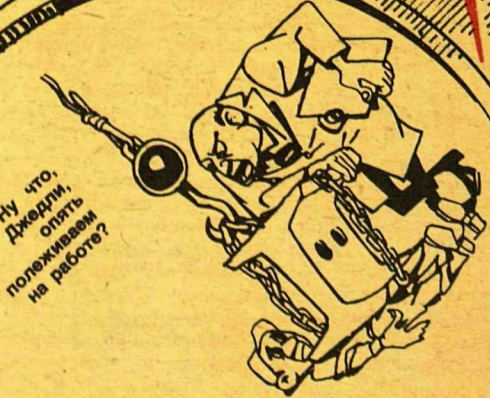

— Таков обывающий нашей фирмы, миссис, — первыми пройдут дамы.

ДОКТОР

— А ну, ребята, прекратите ваши профсоюзные разговорчики и возвращайтесь к станкам.

— Ну что, Джедди, опаздываю на работу?

— Я только что решил проблему, увольняю не желаю. Убавят за вас.

БЕЩЕЛОВЕЧНОСТЬ

Этой
симпатичной
госпоже
Мэрфи
письмо
от Крокодила

Г-же Кевин Мэрфи
99 Фор-стрит,
Эксетер,
Англия

Уважаемая г-жа Мэрфи!

Разбирая новогоднюю почту, я нашел Ваше поздравление. Искренне благодарю за добрые пожелания и особенно за листок с текстом «Личного договора о мире». Не могу отказать себе в удовольствии воспроизвести его здесь для моих читателей.

Личный договор о мире

Я поздравляю Вас с новым годом и приглашаю Вас вместе со мной подписать следующий личный договор о мире.

Я соглашаюсь не смотреть на Вас как на врага и заявляю:

1. Что нет никаких оснований для новой войны между народами Европы.
2. Что в мире существуют уже около 40,000 штук ядерного оружия — достаточно для уничтожения нашей планеты много раз. Добавить к этому ядерное оружие — бессмысленно и опасно.
3. Что все страны у которых есть ядерное оружие, или которые участвуют в ядерных союзах, способны принять самостоятельные инициативы в сторону ядерного разоружения, без всякой вредности для своей безопасности.
4. Что огромные денежные и другие ресурсы, которые сейчас тратятся на военные цели, можно было бы гораздо лучше использовать для преодоления мировой бедности и на борьбы против загрязнения среды.
5. Что я собственно буду помогать выдвиганию мира между нашими странами.

Подпись: *Kevin Murphy*

Russian

Krocodil

Как вижу, Вы уже скрепили договор своей подписью, оставив место для моей. Отдаю должное Вашей прозорливости.

Да, иес, конечно же, дорогая Кевин, если Вы позволите называть Вас так дружески, я подписываю его! Я подписываю его одной лапой, тремя остальными голосую при этом за мирное будущее Европы и всех других континентов. Я немедленно подписываю его не только от своего имени, но и от имени всех моих советских читателей и вместе с ними — со всеми, кому Кевин Мэрфи послала бы, я уверен, такой же договор, знай она их адреса.

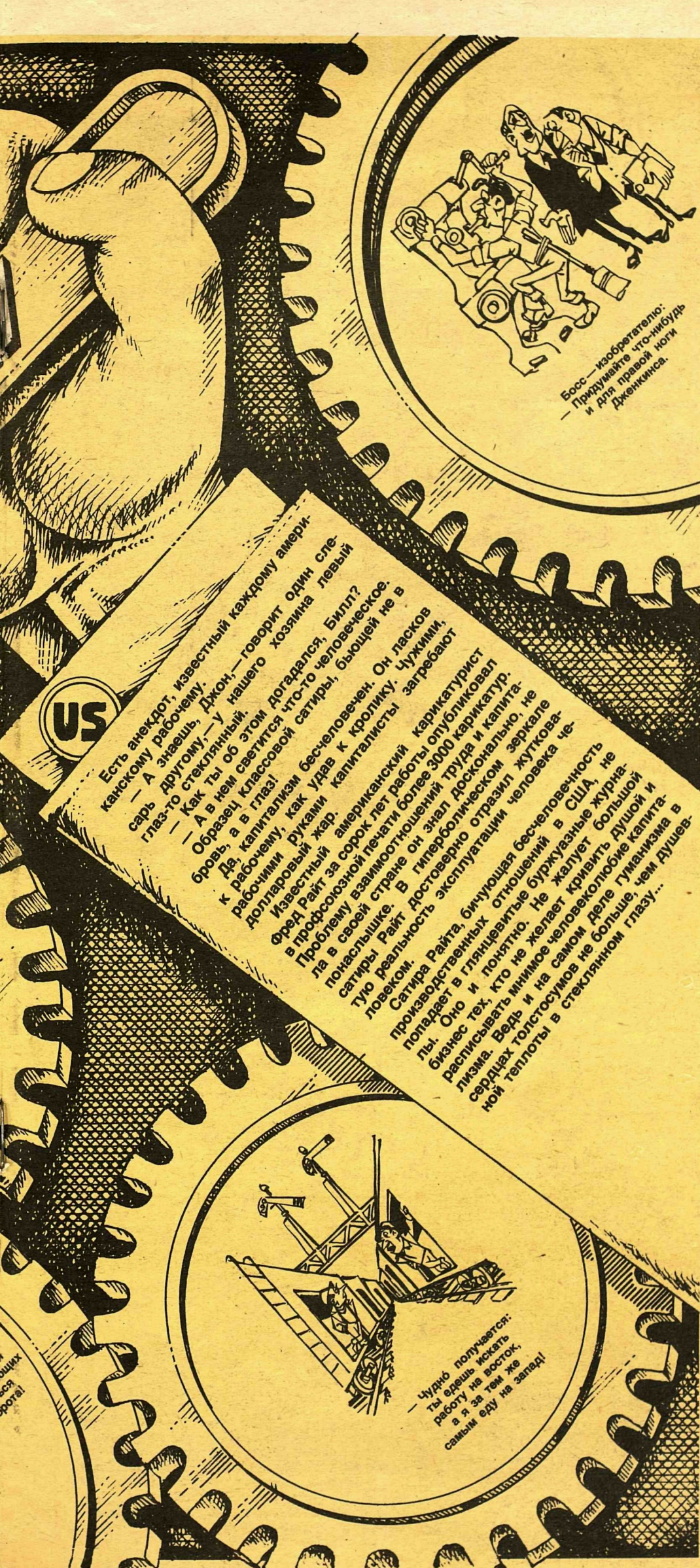
И нам не нужен педант-полиглот для зеркальной дошлифовки перевода «Личного договора о мире» на русский язык. Пусть останутся в тексте трогательные грамматические ошибки — «никакой вредности» это нам не причинит, ибо мы друг друга понимаем.

Но мы знаем также: вплотить в жизнь даже, казалось бы, безоговорочно разумную идею не так-то легко, как хотелось бы. Возьмем для примера пункт 3-й «Личного договора» и вспомним: Советский Союз в **одностороннем порядке** уже объявлял о ненападении первого ядерного удара, о сокращении своих вооружений в Центральной Европе, о моратории на ядерные взрывы. И что же? Никто не ждал, естественно, что откликаясь на эти инициативы, по Капитолийскому холму или по Даунинг-стрит пройдут сплоченные колонны западных дипломатов, самозабвенно распеваящих: «Пусть всегда будет мама!» Но уж мог бы кто-нибудь из руководящих натовцев хоть ухом повесть: мол, вас поняли, ждите ответа... Нет, даже этого не случилось.

«Когда речь идет о сохранении мира... важен вклад... каждой общественной организации, каждого человека», — сказано в заявлении М. С. Горбачева от 15 января нынешнего года. Рождественская открытка г-жи Мэрфи выпущена руководством Кампании за ядерное разоружение (CND), участники которой вместе с женщинами Гринэм-Коммона, бедняками Нью-Йорка, гражданами Хиросимы приближают день и час принятия **Всеобщего Договора о мире**. И «Личный договор о мире» — тоже шагоч в том же направлении. К прочному, длительному миру.

Позвольте же поздравить Вас, дорогая Кевин, с заключением между нами пока что хотя бы этого договора. Как говорят у вас, а good beginning makes a good ending. Как говорят у нас, лиха беда начало.

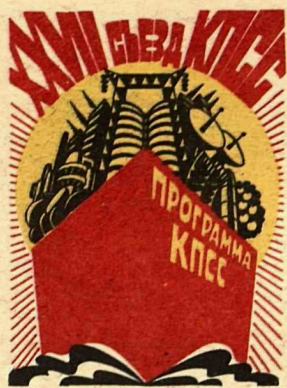
Искренне Ваши КРОКОДИЛ.

Босс — изобретателю:
— Предумайте что-нибудь
и для правой ноги
Дженкинса.

Чудно получается:
ты едешь искать
работу на восток,
а я за тем же
самым еду на запад!

US
Есть анекдот, известный каждому амери-
канскому рабочему.
— А знаешь, Джон, — говорит один сле-
сарь другому, — у нашего хозяина левый
глаз-то стеклянный.
— Как ты об этом догадался, Билл?
— А в нем светится что-то человеческое.
Образец классовой сатиры, бьющей не в
бровь, а в глаз!
Да, капитализм бесчеловечен. Он ласков
к рабочему, как удав к кролику. Чужими
руками долларовой жар.
Известный американский карикатурист
Фред Райт за сорок лет работы опубликовал
в профсоюзной печати более 3000 карикатур.
Проблему взаимоотношений труда и капита-
ла в своей стране он знал досконально, не
понаслышке. В гиперболическом зеркале
сатиры Райт достоверно отразил жестока-
тую реальность эксплуатации человека че-
ловеком.
Сатира Райта, бичующая бесчеловечность
производственных отношений в США, не
попадает в глянцевитые буржуазные журна-
лы. Оно и понятно. Не жалует большой и
расписывать мнимое человеколюбие капита-
лизма. Ведь и на самом деле гуманизма в
сердцах толстосумов не больше, чем душев-
ной теплоты в стеклянном глазу...

Актуальные строфы

Всегда привычно пунктуален,
 Каким был, видимо, рожден,
 Не рад, а также не печален,
 Приходит на работу он.
 Снимает табель, а нередко
 То ручкой, то карандашом
 В журнале делает отметку,
 Что означает: «Я ПРИШЕЛ».
 Да, он пришел.
 И, сев привычно
 За личный стол на личный стул,
 Демонстративно-энергично
 На личный календарь взглянул,
 Без слов подчеркивая этим,
 Что отвлекаться недосуг —
 Пусть будет всем вокруг заметен
 Его забот объем и круг.
 Там, на листке, предельно зримо —
 Слова про это и про то,
 Что совершить необходимо
 От «ОТ», естественно, до «ДО»...
 «Ответ...»,
 «Отчет...»,
 «Отдать...»,
 «Отправить...».
 И дальше вдоль всего листка —
 «Додумать...»,
 «Документ...»,
 «Добавить...».
 И всё — сегодня до звонка.
 Вот потому-то ровно в девять —
 Его стремленье таково —
 Он начинает дело делать,
 Точней, не делать ничего.
 Его методика со стажем
 Зарплате явно не вредит.
 Он будет делать, если скажут,
 Не скажут — значит, погодит.
 И, свой покой оберегая,
 Свой лик к окошку обротя,
 Сидит, глазами не моргая,
 Сидит, ушами не ведя.
 А за окошком непогода,
 И в облаках просвета нет...
 («Пора бы поспешить с отчетом!..»
 А вдуматься: уже обед...»)
 А за окошком солнце светит,
 Почти как в Африке самой!..
 («На письма надо бы ответить,
 А вдуматься: пора домой!»)
 На календарь он глазом косит
 И, подводя дневной итог,
 Невозмутимо переносит
 Дела на завтрашний листок...
 Ничто как будто не забыто,
 Неважно — май или январь,
 А важно то, что деловито
 Исписан старый календарь...
 И снова четко, как вначале,
 То ручкой, то карандашом
 Отметку делает в журнале,
 Что означает: «Я УШЕЛ»...

Еще одна мелькнула дата,
 И вновь, не испытав стыда,
 Домой уходит имитатор
 Труда... без всякого труда...

— Ну и силен этот Сидоров, прямо что твой Юлий Цезарь.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

**Делегат XXVII съезда КПСС,
директор Новолипецкого
металлургического
комбината имени Ю. В. Андропова,
Герой Социалистического Труда,
заслуженный металлург РСФСР,
кандидат технических наук
И. В. ФРАНЦЕНЮК:**

МОЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ— КОМБИНАТ

— Иван Васильевич, Крокодил слышал об успехах комбината в минувшей пятилетке. Но это все комбинат. А ваши личные итоги?

— Личные? Ах, личные... Пожалуй, есть и личные. Пишите: выполнены планы по агломерату и коксу, стали и прокату. Производительность труда выросла в полтора раза по сравнению с плановым заданием. Дано сверхплановой продукции на 124 миллиона рублей. В прошлом году отработано трое суток на сэкономленных ресурсах.

Все это и мои личные радости, разве не так? Хотя имеются и личные огорчения. Например, невыполнение плана по производству чугуна... Причина? Не хватило сырья в 1981 и 1982 годах. А потом наверстать упущенное не удалось.

Проблем вообще хватало и хватает. Своих собственных и со стороны. Я говорил о них на совещании в ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу в июне прошлого года, куда был приглашен. Говорил о том, что отстает еще качество нашей собственной металлопродукции. О том, что часто подводит и машиностроители: многие узлы и детали поступающих от них машин приходится нам самим дорабатывать, а то и делать заново.

— Каким лично вам видится будущее?
— Напряженным, естественно. Думаем произвести в этом году сверх плана 36 тысяч тонн чугуна, по 30—стали и проката, снизить себестоимость продукции на 8 миллионов рублей, построить 55 тысяч квадратных метров жилья, детский комбинат, среднюю школу.

— Что такое для вас счастье?
— Я был бы счастлив, если бы ликвидировали хаос в поставках оборудования: сейчас оно поступает на комбинат некомплектно, да потом еще месяцы уходят на его подгонку, переделку, а иногда и полную замену.

— Все-таки скажите хоть что-нибудь о личном!
— А я не разделяю личное и служебное. Меня лично радует, когда комбинат справляется с планом, меня лично огорчает, когда у комбината что-то не ладится. Это же ясно! Самая, пожалуй, большая моя личная радость за всю XI пятилетку—это вручение в 1984 году комбинату ордена Октябрьской Революции в связи с 50-летием предприятия. И еще, конечно, мне лично очень приятно, что труд четырехсот наших работников отмечен высокими правительственными наградами.

— Иван Васильевич, отец ваш ведь тоже работал на комбинате металлургом?

— Нет, это я «тоже». А отец меня сюда привел и приобщил к этому горячему делу. В 1954 году—мне было тогда 27—я пришел сюда мастером. Я бесконечно благодарен своему отцу за профессию. Кстати, моя дочь тоже металлург—в столичном ЦНИИчермете трудится.

— Сейчас много говорят о роли человеческого фактора. Что вы думаете об этом?

— Это прежде всего ответственная, квалифицированная работа каждого на своем рабочем месте. Правда, надо создать человеку условия. Как для труда, так и для отдыха, быта, вообще для жизни. Об этом мы никогда не забываем. Совсем недавно ЦК КПСС одобрил опыт комбината по улучшению бытовых условий для металлургов.

Мороз в Чите под сорок и чуть за сорок. Под сорок—это морозный смог в воздухе, включенные фары автомобилей, и лучи из фар, преломляясь в кристаллах ледяной взвеси, светят не столько вперед, сколько вверх. За сорок—это россыпь черных от печной копоти и все же замерзших воробьев на снегу.

В 1945 году под городом Горьким, в рабочем поселке Первомайский, девочка Тамара принесла в дом большую кошку, вылечила и выкормила тем, что недоедала сама. В роду у девочки не было никого из медиков. Так что неизвестно, почему девочка увлеклась врачеванием. В 1951 году с первого захода рыжая девочка Тамара поступила в Горьковский мединститут, где вели хирургию вот кто: Е. Л. Березов, А. Б. Королев, а ректором был будущий академик Н. Н. Блохин.

По окончании института рыжая маленькая девушка была распределена в Читинскую область. Дядя ее до войны служил там и вечером на

но чтобы успеху лечения способствовали и сами больные, и помощники, и внешние обстоятельства».

Сказано Гиппократом. Жизнь коротка, это верно, и искусство вечно. А вот всего прочего ни на грош не было в жизни молодого врача Кочетковой, и репутацию областной гинекологии она слепляла по крохам, как ласточка гнездо.

Весьма давно поэт написал очень точные стихи: О Шостаковиче не может быть двух мнений. Как говорят—обыкновенный гений.

Крайне обыкновенный хирург Кочеткова на восьмом этаже размывает перед операцией замерзшие пальцы, моет руки. Какой это кусок мыла в ее хирургической жизни—тысячный, десяти тысячный,—она не знает. Какого человека сегодня будет вытаскивать с того света, с того либо тысячного,—статистику не ведет. Сколько с возвращением к жизни этой женщины не останется сирот, сколько

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ОБЫКНОВЕННЫЙ ХИРУРГ

общесемейном совете рассказал про Читинскую область, какой он ее запомнил. И упор в рассказе был вовсе не на то, как красивые от цветущего багульника сопки в двадцатых числах мая, сколь вкусны бурятские пельмени на пару—бозы и даже не на то, что в районе вокзала висит транспарант:

**ЧИТИНЦЫ!
ПРЕВРАТИМ ГОРОД ЧИТУ В ГОРОД!**

Короче, после дядиного рассказа вся семья подступила к выпускнице: пусть не едет она в Восточную Сибирь.

В этом семействе была очень сильная семейная сплотка, всегдашний совет да любовь. Но пошла против всей семьи средняя сестра—уехала в Забайкалье, где ей сказали: вот вам две точки на выбор, Могойтуй и Усть-Кара. Могойтуй—это рукой подать от Читы, но кругом степи, реки нету. А до Усть-Кары лететь два с половиной часа или на поезде трястись черт-те сколько, а потом плыть паромом «Пахарь» по реке Шилке. Зато там река и тайга.

Доктор выбрала Усть-Кару с рекой Шилкой, той самой, из старой казачьей песни, которая «ах, Шилка да Аргунь, они сделали Амур». Почему река определила выбор—малопонятно, ибо плавать Кочеткова не умела нисколько и водных пространств по сей день опасается.

А кем прибыла к месту назначения врач? Медицинские институты так выпускали в те годы врачей: три месяца специализации по хирургии, три месяца терапии, три—акушерства-гинекологии—и получи горделивое именование врача со специализацией вообще—«Лечебное дело».

Определенно к терапии тяготела Тамара Ивановна. Но сказали в облздраве: с этим повремените. А будете акушером-гинекологом, у нас большая нужда в этих врачах.

И она навсегда им стала.

Кто считает, что пехота и моряки на параде делают одинаковое число шагов в минуту, тот ошибается. Моряки реже печатают шаг.

Но даже никакой пехоте не снилось, какую частоту шагов развивает январский восточносибирец, особенно если мал ростом. Будто пробкой стремительно и непрерывно ведут по километровому стеклу—вот как по визжащему снегу поспевают через сосновый бор к областной клинической больнице народный врач СССР Тамара Ивановна Кочеткова.

В усть-карской больнице было три ступени из мореных листовничных колодин, была обитая для тепла сохатиной шкурой дверь. Здесь—двадцать мраморных ступеней входа, алюминий и зеркальное стекло вестибюля. И всеобластная мама Тамара Ивановна (не знаю, кто еще завоевывал такое именование к пятидесяти годам) резко поворачивает перед голубым плакатом к лифтам и уносится на восьмой этаж, где заведует шестидесятикочным отделением. А на голубом плакате обозначено:

«Жизнь коротка. Искусство вечно. Опыт обманчив. Нужно, чтобы врач не только выполнял свой долг,

еще народится детей,—не предполагает. Она знает только, что четверть века назад подобную операцию делала три с половиной часа, сегодня, при четвертьвековых навыках и виртуозной технике, за полтора часа. А это—меньше человеческих мучений и больше шансов на выживание.

— Ну девки,—говорит Тамара Ивановна свое очень известное в области,—пошли.

В отделении у нее шесть «девок» высшей хирургической аттестации. Я интересовался у них: правда ли, что к таким профессиональным высотам вас привела Кочеткова? Правда, сказали они, привела и создала свою школу хирургов.

Правда ли, спрашивал я «девок» с учеными степенями, что вы по отдельным хирургическим умениям превзошли аж Тамару Ивановну? Правда, говорили они.

— А она?—спрашивал я, добывая штрихи к портрету.—Может быть, хоть малое чувство ревности, что ученики ее обошли?

На что ответила доцент Эмма Дмитриевна Загородная:

— Такая постановка вопроса показывает, что вы всего первый день в Чите.

— А по Гиппократу из вестибюля, по его высказыванию, все удачно складывалось в жизни для народного врача Кочетковой? Помощники, содействие больных, внешние обстоятельства?

И мне сказали, что никаких помощников сперва не было и в помине. И больные были враждебны к врачу, и практикующих бабок была тьма-тьмушная, и внешние обстоятельства такие, что хотелось завзвять.

Вот такие обстоятельства: бревенчатая больница на семьдесят пять коек. При ней телефон, переоборудованный из мясорубки: крутишь ручку—и в ту сторону тебя слышно, а оттуда звуки—будто любительский оркестр собрался на репетицию после отпуска. Что стряслось в далеком селе, какой брать инструментарий на выезд—неясно. И свет подавался в больницу только до вечера.

Но были в той очень тяжелой жизни моменты высокой приятности. Во-первых, какие были тогда санитарки, и сколько числом! Лишь бывалые сельские врачи помнят то золотое время. И дизелист со всех ног мчался заводить аварийку, и пятеро медиков сельской больницы, необстреленные молодые врачи, кто из Горького, кто из Ленинграда, кто из Омска,—все вскакивали ночь-полночь на подмогу один другому. Что из того, что ты стоматолог или терапевт? Все мыли руки и вставляли рядом с хирургом.

Еще было в Усть-Каре, что Тамара Ивановна вышла тут замуж за механика Виктора Кочеткова, и любящий механик, умозрительно представив тонкость и точность работы жены, для пользы ее пальцев раз навсегда взял на себя всю тяжелую работу в семье.

Еще было то, что, когда случалось какое-либо неблагоприятие в окрестной природе, никогда не приходилось среди местного населения долго выкликать смельчака, который повезет доктора.

Актуальные строфы

Представить было бы резонно,
 Как пред лицом грядущих вех
 Жил-поживал во время оно
 Один пещерный человек.
 А в нем жила глухая вера
 На все сомнения в ответ,
 Что краше, чем его пещера,
 Жилплощади на свете нет.
 Он говорил, икая сыто,
 Купаясь у костра в дыму:
 — А мне и здесь тепло и сыро,
 И лучше вроде ни к чему!
 Тут предлагает кто-то что-то —
 Дверь, печки, лавочки, окно...
 Еще чего — была охота,
 Когда удобств и так полно!
 Еще подумаем, обсудим
 И согласуем, а пока
 Спешить с работами не будем,
 А будем согревать бока!..
 ...Позднее вновь непримиримо
 Он отвергал за годом год
 Построенный рабами Рима
 Так нужный всем водопровод.
 ...Еще позднее, в нашу эру,
 В нем косность прежняя цвела:
 Электролампочка, к примеру,
 Ему до лампочки была!..
 ...Прошли века. И в кабинете
 Опять взирает из-под век
 Еще живущий на планете
 Один пещерный человек.
 С ним словно не было разлуки,
 Однако... ручка, телефон,
 Очки, подтяжки, галстук, брюки!..
 Выходит, он — совсем не он?
 Живя в довольствии веселом
 На оптимальном этаже,
 Он не гуляет полуголым
 В своем пещерном неглиже.
 Собой доволен в полной мере,
 Лежит под мягким светом бра...
 А сам душой живет в пещере
 У первобытного костра.
 Тяжел и холоден, как студень,
 С утра, успев лишь в кресло сесть,
 Он говорит: «Спешить не будем.
 Куда нам мчаться? Время есть.
 Не торопитесь ради бога,
 Не вызывайте тяжкий стресс.
 Прогресс и сам пробьет дорогу,
 Коль он действительно прогресс!..»
 И, грея в теплом кресле чресла,
 Хитро кумекает: «Шалишь,
 За спешку вылетишь из кресла,
 А так, глядишь, и усидишь...
 Зачем какие-то новинки
 И нервов дорогой расход?
 Ведь жили люди по старинке,
 Без риска жили, без забот...»
 Как паутина или тина,
 Обволокла со всех сторон
 Густая душная рутина —
 Инерция былых времен...
 Его давно подводит зренья,
 И оттого ни у кого
 Он не увидит озаренья,
 Задержит нужное внедренье,
 Погасит жаркое горенье —
 И только. Больше ничего...
 Что ж, выражаясь фигурально,
 Вполне заслуживает розг
 Тот, у кого такой формально
 Закостенело-косный мозг!

— Устал я от вас, Иванов, все находят себе дело, один вы задания клянчите.

Рисунок Л. НАСЫРОВА.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ХИРУРГ

Смельчаком считали того, кто везет, и за красотой его мужского порыва и упакованной в меха фигуры как-то не виделся тот, кого повезут, — доктор Кочеткова.

И Тамара Ивановна, не умеющая плавать, ужасающаяся самолетов, автомобилей, поездов и вообще всякого передвижения на транспорте, сядила в лодку, и смельчак доброволец по ледоставу, по пути шел шестьдесят километров вниз по Шилке на вызов к больной.

Та женщина осталась жива, и отчаюга доброволец, сквернословя насчет слепых сил природы, попытался плыть вверх, домой, на Усть-Кару. Но, кувырка лодку с борта на борт, льдами их понесло вниз по течению.

Это очень здраво придумано природой, что рыжие плохо поддаются седению. Окажись доктор Кочеткова брюнеткой — быть бы ей седой к тридцати годам.

Тогда из села Горбица обратный путь до Усть-Кары они проделали верхом на лошадях, тайгой.

До обморока не переносящая любого транспорта, Тамара Ивановна — а как иначе попадать к больным? — оказалась самым редко бывающим дома человеком. Лодка, катер, глассер, все виды автомобилей, тягачей, вездеходов, лошадь, олень, все типы малых самолетов, вертолетов — все было испытано будущим народным врачом. Но лучшала, осовременивалась жизнь, отселялись лодка, пеший ход марш-бросками, мотоцикл, вездеходы. Осталось самое труднопереносимое доктором — самолет и вертолет.

Теперь можно радоваться обстоянию дел. Было время — бабки на равных соперничали с доктором Кочетковой. При значительном содействии авиационного областного бортгинеколога Кочетковой область изжила бабок, отправляющих людей на тот свет. И стала из сотен удачных операций складываться высокая репутация доктора Кочетковой, так что в семидесятых годах дошло даже до того, что к Кочетковой обратились пациентка из Каштака. Ни к кому еще и никогда не обращались молодайки оттуда.

Странно было видеть эти дома в Каштаке. Даже посреди лютотого января из труб почти никогда не шел дым. Во дворах — ни полена заготовленных дров. Здесь обитали цыгане. И лишь перед одним домом — полведерка угля: здесь, должно быть, обитал цыганский барон.

— Ты Тамара? — спросила цыганка, придя в больницу. — Кругом русские бабы говорят: Тамара, Тамара. Я молодая, боюсь. Пришла к тебе.

И когда обошлось все отлично, на второй день в отделении возник красавец брюнет с автогенным огнем в глазах. Некоторым образом цыганский Ален Делон.

— Моя у тебя? — спросил Делон. — Пусть домой гребет, нечего в тепле без дела валяться. Второй день жрать мне никто не подает, дети воют. Дожили: цыганка в больничку пошла!

Вот такое многообещающее событие произошло в семидесятых годах.

Были и еще события, когда одну из операций Кочетковой увидел главный врач областной больницы В. А. Коханский.

— Ты чего это, девка, — спросил он, — оперируя, висишь на локтях? — Тут выяснилось, что давно уже Тамара Ивановна от тяжелого радикулита оперирует так. И устранил ее силой главный врач на длительное лечение радоном и в областных инстанциях доложил:

— На кочетковской семижильности пора ставить точку. Она воспитала школу хирургов, и область теперь достаточно богата, чтобы содержать первоклассного освобожденного бортгинеколога, а не раздвигать на части Тамару Ивановну. А уж случится что казусное — бортгинеколог вызовет на подмогу Тамару Ивановну, она не откажет.

И вот под самый 1986 Новый год вызвала ученица учительницы — В. Абрамовская Т. Кочеткову. А прилетев в Александровский Завод к Абрамовской, Кочеткова вникла в суть дела и еще довызвала самолетом Эльвиру Ивановну Бакшееву, хирурга из своего отделения. И спасли, выходили безнадежную женщину.

Разъяснить этот эпизод я попросил доцента Эмму Дмитриевну Загороднюю: почему три спецрейса летали в Александровский Завод? Может, растерялась Тамара Ивановна перед случаем чрезвычайной сложности, запаниковала? И это влия-

лось во множество летных часов очень накладной стоимости?

— Нет, никто никогда не видел, чтобы запаниковала Тамара Ивановна,— сказала доцент.— Просто, прилетев по вызову, Верочка Абрамовская установила: больная перелета в Читу не выдержит, надо оперировать на месте и не более чем полтора часа. Это можно только при участии Тамары Ивановны. Прилетела Тамара Ивановна и установила: в общем и целом есть надежда справиться вдвоем, но для абсолютной гарантии надо дозвониться Эльвиру Ивановну.

И, как всегда, оказалась права Кочеткова, пациентка здорова и дома, при ней двое детишек, а стоимость летного часа даже аэробуса ИЛ-86 все равно ниже стоимости часа любой человеческой жизни. И если нужно, кого угодно дозвонит в полет Тамара Ивановна, хоть и ее, доцента Загороднюю, которой летать на самолете— тоже нож острый. И, все зная про этих двух пассажирок, пилоты санавиации, всегда элита «Аэрофлота», все с правом подбора посадочных площадок по собственному усмотрению, все настоящие джентльмены профессии, отстегивают в АН-2 по четыре кресла справа и слева. Слева, по горло запылив в аэродромные меховые штаны, ляжет страдать Кочеткова, справа— Загородняя.

И сплошь и рядом на обратном пути, когда дело сделано, когда очередная женщина, как говорят монголы, не лишилась возраста, слева или справа раздастся стон:

— Витюшенька, что долго летим? Грозу обходишь, что ли? Пора бы сесть на три точки!

И первый пилот, оставив штурвал и педали второму, говорит, выйдя в салон, всеобластной маме:

— Дело такое, Тамара Ивановна... Радиограмма...

— Ясно,— стонет Тамара Ивановна.— На какой курс легли?

— На Букачачу.

И они летят к другой больной, в Букачачу. А потом, опять в воздухе, их, возможно, переориентируют на Улеты. И там ли, сям ли, когда поздним-поздно закончится операция и надо коротать время до утра, потому что малая авиация летает только по световому дню, раздастся деликатнейший стук в дверь и полушепот:

— Это мы, Эмма Дмитриевна, мы, из столовой. Вы чего же легли без пищи? Нельзя! Ну и что же, что двадцать три часа? Мы и не думали закрывать столовую. Вы скажите, если что, мы в судках сюда принесем!

И еще я спросил доцента Читинского мединститута Э. Д. Загороднюю: а почему у Читы до сих пор не похитили Тамару Ивановну? При ее репутации, при обилии в стране мягкоклиматических областей и республик, при нуждаемости этих областей и республик в первостатейных хирургах...

— А такие попытки, наверное, были,— сказала Эмма Дмитриевна.— Сужу по тому, что я до некоторой степени ученица Тамары Ивановны, но и ко мне во время отпуска подошли двое уважаемых мужчин, раскланялись с мужем: извините, мы не уличные приставы, мы посланцы и лица вполне официальные. У вас ведь в Чите, извините, жильё паршивенькое, мы знаем. Вот мы и приготовили для Эммы Дмитриевны в одной околomosковской области высокую должность и изрядную квартиру. Обставлена московской мебелью!

Из любопытства мы даже поехали. И действительно, мебель московская, квартира— загляденье, должность— превосходная. Но, сказали, отпуск у нас кончился, поедет домой. Спасибо, но мебелью воспользоваться не можем: нас в Чите не поймут. Так что были, наверное, предложения Тамаре Ивановне, и не одно. Но какие-то у нас, гинекологов, различия с футболистами— не переходим из периферийного клуба в центральные.

И напоследок я спросил народного врача СССР Кочеткову:

— Тамара Ивановна, в давнишние времена мужчина, даже падая с ног, считал непристойным для себя сказать: «Я устал!» Теперь мужчина при народе во весь голос смачно говорит, что он не только устал, но устал, как собака, устал от работы, как черт, как сто чертей. Почему от вас, женщины, несущей три мужские нагрузки, никогда этого не слышали? А также каковы права и обязанности народного врача?

— Не знаю,— сказала Тамара Ивановна,— возможно, есть что-то еще, еще какие-нибудь права и обязанности. Но основное право— это работать, а обязанность— не покладая рук.

Читинская область.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Делегат XXVII съезда КПСС,
токарь-карусельщик
электростальского производственного
объединения «Электростальтяжмаш»,
дважды Герой Социалистического Труда
В. М. ЯРЫГИН:

МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ НАС

— Владимир Михайлович, за плечами еще одна трудовая пятилетка... Кстати, какая она у вас по счету?

— Уже шестая.

— Чем она для вас знаменательна?

— Я бы выделил три события. Первое: удалось выполнить личный план пяти лет 20 июля 1985 года. Второе: я стал дедом. Родился внук. Чудный, горластый парень. Третье событие: мне выпала честь быть участником встречи в ЦК КПСС с ветеранами стахановского движения, передовиками и новаторами производства. На совещании с особой остротой понял, какая огромная роль отведена в планах партии рядовому труженику, как много зависит от нас, чтобы эти планы стали реальностью.

— А что зависит лично от вас?

— От нас! Я не отделяю себя от своих товарищей! Мы делаем подшипники жидкостного трения для прокатных станков, выпускаемых нашим объединением. Значит, от нашей продукции зависит качество и количество проката. А он очень нужен стране.

— Ваши личные планы на следующую пятилетку?

— Думаю выполнить ее за четыре года четыре месяца.

Сложновато, конечно, но слово дал— надо держать. Поможет в этом опыт и еще раз опыт, так как моя «карусель» ничем не отличается от других, а секретов у меня никаких нет: все на виду.

Я много лет работаю на одном станке, поэтому мое ускорение идет не от каких-то особых технических новшеств, а от простых вещей—самодисциплины, стремления с каждым днем работать лучше, постоянных поисков внутренних резервов.

— Как вы относитесь к юмору?

— Прекрасно, так как смеюсь после каждой смены вот уже четвертый десяток лет!

— Над чем так долго, Владимир Михайлович?

— Видите, каким бы аккуратистом станочник ни был, к концу смены его руки буквально пропитываются маслом, пачкаются мазутом. Отмываем их кто как может: керосином, бензином, соляжкой. А наши шлифовщики даже «салхимили» адскую смесь из аммиака, анилиновой кислоты, керосина и еще какой-то чертовщины. С такой развитой химической промышленностью— и не иметь нормального средства для очистки рук! Разве это не смешно?!

— Что бы вы хотели пожелать вашим друзьям, знакомым в наступившей пятилетке?

— Как ни странно, а вопрос трудный. Желать здоровья и счастья как-то слишком традиционно. Удачи? Что-то есть в этом лотерейное. Пожелаю-ка неуспокоенности в стремлении к совершенству. Я не слишком кудряво выразился?

— Автоматика работает четко, вот только с коллективом связь не налаживается.

Рисунок
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Актуальные строфы

В ряду серьезнейших новаций,
 Какими наша жизнь полна,
 Среди различных трансформаций
 Нас привлекла к себе одна.
 ...В любых починах осторожный,
 Какой-то чин
 Не без причин
 Однажды предложил несложный,
 Но соблазнительный почин.
 Давно ли, нет ли, но когда-то,
 О чем писали все и вся,
 Он был типичным бюрократом,
 Наскоки критиков снося.
 Творец бумажной канители
 Бросал входившим в кабинет:
 — Зайдите через две недели.
 Я занят! Все. Приема нет.
 Но вот пришло иное время,
 Сегодня—это не вчера.
 И он, погладив с грустью темя,
 Решил, что стать иным пора.
 Иглы исчезли взгляд, и поза,
 И тонкий серп поджатых губ—
 Произошла метаморфоза:
 Он был пуп земли, и вот не пуп.
 Гордыни ныне
 Нет в помине,
 Он вежлив, словно напоказ,
 И кровь теперь отнюдь не стынет
 От ледяных стандартных фраз.
 Он не молчит, как сфинкс,
 бесстрастен,

Едва кивая вам в ответ,
 А говорит: «Вполне согласен.
 Вы правы. Возражений нет!»
 Звучит, как скрипка,
 Голос гибкий,
 Начальник в образе ином—
 С очаровательной улыбкой
 Кивает, будто метроном.
 — Ну что ж, изложено резонно,
 Вполне солидно и всерьез.
 Считайте свой вопрос решенным,
 Поскольку это не вопрос.
 Я твердо обещаю помощь,
 Но, чтоб быстрее цель достичь,
 Пускай прочтет Вадим Пахомыч
 И пролистнет Олег Фомич...
 Еще два мнения—и дело
 Желанный обретет удел:
 Пойдет из нашего отдела
 В другой решающий отдел.
 Вопрос весомый и объемный,
 С ним разбираться—нужен труд!..
 Прошу прощения, что в приемной
 Вы ждали целых пять минут!..
 ...Ах, сколько милых извинений,
 Которым просто нет конца
 В ряду волшебных изменений
 Когда-то мрачного лица.
 И рук приятное порханье,
 И лести сладкая струя,
 И шепот, робкое дыханье,
 И трели, трели соловья...
 А дела нет. Но есть, заметьте,
 Довольно ловкий камуфляж.
 Весь этот вид, улыбки эти—
 Всего лишь красочный муляж.
 А суть нетрудовой осталась—
 И та ж к работе неприязнь,
 Сверхбезразличие и вялость,
 Некомпетентность и боязнь...
 И пусть он вас зовет хоть братом
 В течение многих-многих дней,
 Он остается бюрократом:
 Чем больше грима—тем вредней!

Мих. ПАСКАТОВ.

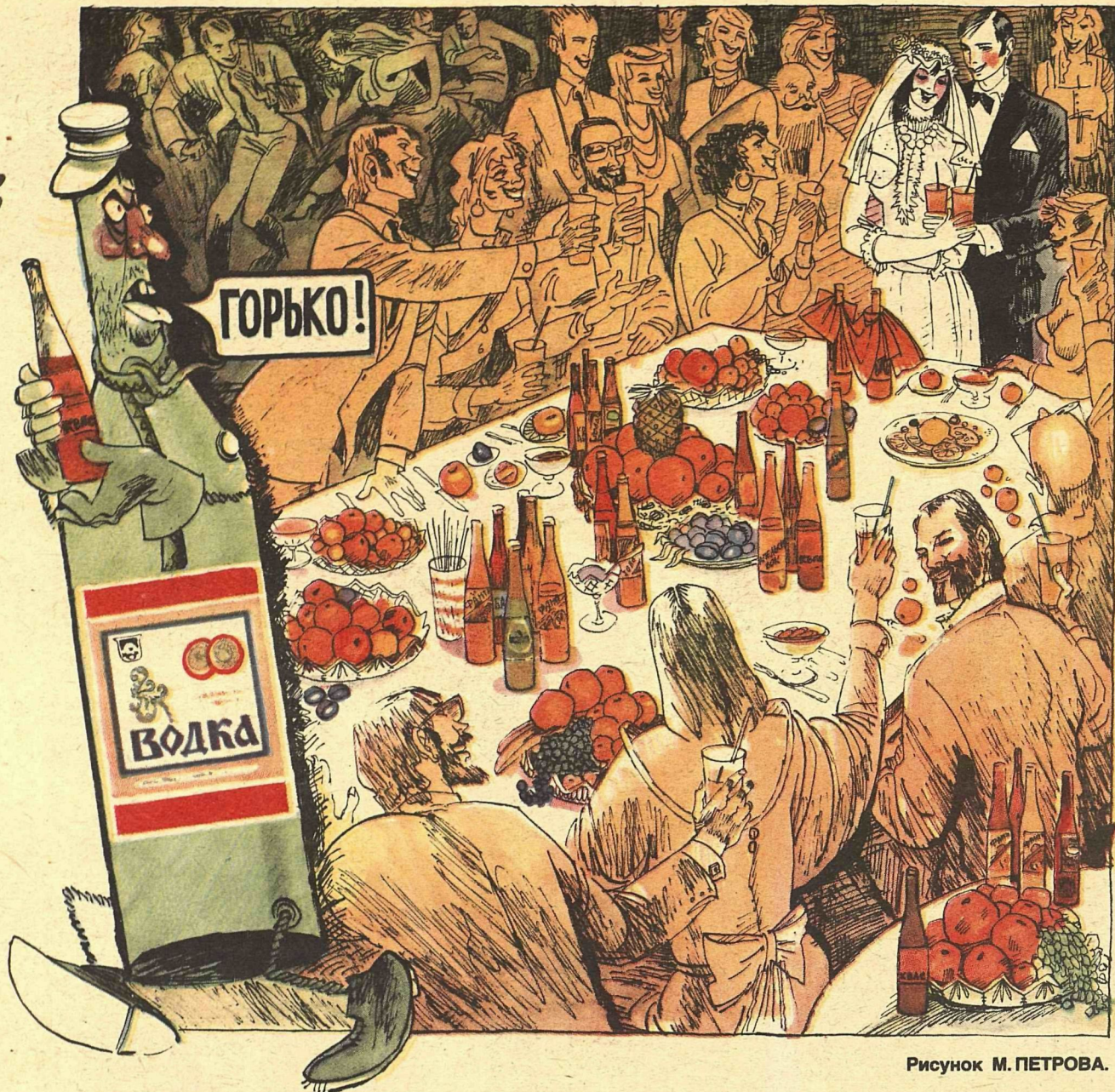

Рисунок М. ПЕТРОВА.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

**Заместитель директора Вильнюсского
 домостроительного комбината,
 лауреат Ленинской премии
 В. Ю. ШИЛЕЙКА:**

Смелость строит города

Когда Винцентаса Шилейку на митингах, посвященных вводу в эксплуатацию новых жилых комплексов, начинают нещадно тискать в объятиях, он знает, что терпит за весь многотысячный коллектив Вильнюсского домостроительного комбината. И присуждение ему Ленинской премии за красавец район Лаздинай В. Шилейка также в свое время отнес на счет всех своих коллег.

— Многие называют ваш орден Ленина опорно-показательный домостроительный комбинат градостроительным. Это что, второе, неофициальное название?

— Это скорее более точная формула нашей работы. Вильнюсский ОПДК застраивает город не отдельными домами. Мы берем подряд на строительство целого микрорайона. Сразу строим жилой микрорайон! И магазины, и школы, и ясли-сады. Из-за того, что на весь период строительства у объекта один хозяин, мы счастливо лишены межведомственной разобщенности. Начав с нуля, точнее, с нулевого цикла, завершаем работу вручением ключей.

Я считаю: один мощный застройщик в городе гораздо сильнее трех десятков мелких стройконтор. Такой же, как мы, «один в поле воин» есть еще в Казахстане—Алма-Атинский домостроительный комбинат. Жаль, что пока нас так мало. Хотя опыт работы и цифры убеждают: идея верная. В прошедшей пятилетке наш комбинат сдал на 90 тысяч квадратных метров жилья больше, чем планировалось. Это более 1600 дополнительных новоселий, праздников, как говорится, сверх лимита. Нет большей радости для строителя, когда в новых домах зажигаются огни и он знает, что построенное им отличного качества.

— Имеется ли словечко «штурмовщина» в лексиконе строителей комбината?

— Давно о нем забыли. И это следствие опять-таки того, что наша стройплощадка—целый район, где одни мы хозяева. Подряд на район дает возможность мыслить масштабно. И масштабно, умело планировать.

Мы никогда не долбим мерзлый грунт для закладки фундамента. Фундаменты лучше делать летом, вот мы их и заготовливаем, как говорится, впрок. Кроме того, мы стараемся не давать повода, допустим, журналу «Крокодил» напечатать на нас карикатуру на тему «Неистребимая траншея». Вы знаете, как это происходит: вырыли строители канаву, проложили трубы, зарыли. Через неделю снова раскопали: надо телефонный кабель тянуть. Закопали кабель, через месяц откапывают: еще что-то надо проложить... У нас так не бывает. По всему району стройки мы заблаговременно прокладываем сеть коллекторов—своего рода подземные коридоры. По мере надобности через эти подземные ходы тянем коммуникации.

Строителей часто упрекают за безликость новостроек. Комедиографы даже фильм этому посвятили—«Ирония судьбы, или С легким паром!». «Крокодил» тоже, помнится, с разпредделением выступал: чтобы дети могли легко найти среди домов-близнецов свой дом, надо в подъездах вывешивать фотографии мам.

Дабы не попадать в малоприятный прицел сатириков, мы всячески выкручиваемся: разрабатываем оригинальную отделку для каждого здания. Правда, это, увы, происходит по принципу «голь на выдумки хитра». Можно бы отделывать фасады кафелем—нет кафеля. Ладно, заменили кафель на цветной гравий. Но и цветной гравий перестали нам поставлять. Ладно, заменили гравий на рельефные элементы... И так далее. Скоро мы начнем сооружать новый микрорайон из новой серии домов. Квартиры в них улучшенной планировки. Дома с чердаками, то есть с совершенно новым типом крыш. Таким зданиям не страшны морозы, жильцы верхних этажей могут не опасаться ливней. Придется, естественно, пройти через массу трудностей—это неизбежно. Но зато жители новых домов останутся довольны.

...Да, будет трудно. Но смелость, как говорил великий полководец, города берет. Она же, добавлял поэт-песенник, строит города. Строит и вручает ключи от них нам с вами.

Получил я садовый участок. Радости не было конца. Всю ночь мы с супругой не спали. Всё прикидывали, что посеём, а что и пожнем.

Поехал я смотреть этот участок. До нужной станции добрался сравнительно быстро — всего пять часов млея в электричке. А потом мне и совсем повезло: до самого участка я нежилась в сене и упивался экзотикой. Парень из местных — вы не поверите! — вез меня на настоящей телеге, которую тянул всамделишный мерин.

Кстати говоря, парень этот с виду — вылитый рекламный красавец, будто только что прыгнувший с обложки журнала мод. Он и острижен был по последней моде, и разодет в «фирму». Правда, общее впечатление слегка портили его высокие болотные сапоги, по самый верх заляпанные грязью...

Едем. Разговорились. Я узнал, что парня зовут Володей, что он работает плотником, но из-за «сухого пустыка» на месяц переведен в лошадицы.

— Куда, куда?

— В лошадицы. На этом мерине ездить. Он у нас на всю округу один, и держат его в целях воспитания таких вот, как я.

Едем, значит. А дорога такая, что лучше не рассказывать. Временами колеса по самую ось утопают в грязь.

Узнав, что объезда нет и не будет, я слегка загрустил: надо ведь как-то участок застраивать, а что туда довести?

Володя понял мое состояние, почувствовал:

— Дорога, конечно, не сахар. Честно говоря, сами замучились. В каждом дворе личные «Жигули», да только куда на них выберешься? Так и стоят. Люди у нас крепко интересуются, не начнут ли населению трактора продавать. Хотя бы мини. На первое время. Ты как, не слышал?

Я не слышал.

Вдруг откуда-то снизу, будто изпод меня, раздался разгневанный голос:

— Семенов! Ты куда провалился?!

Я вздрогнул от неожиданности и чуть было не свалился с телеги.

— Здесь я, Сергей Петрович, — ответил невозмутимо возница. — Сено на фермы везу.

Тут только до меня дошло, что он беседует с портативным радиопередатчиком.

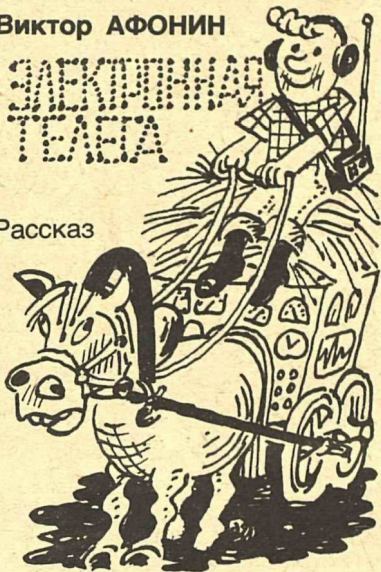
— Почему сам на связь не выходишь?! — гремел голос. — Отвечай, где находишься! Мне нужно сводку давать.

— Тпру-у! — Лошадист натянул вожжи, нагнулся и ударил кулаком по ящику, на котором сидел. Ящик загудел.

Виктор АФОНИН

ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕЛЕГА

Рассказ

дел, замигал лампочками, и из щели выпал белый листочек. С какими-то цифрами. Володя подхватил его, пробежал глазами и бодро начал докладывать:

— До фермы номер два 1723 метра и приблизительно 42 сантиметра. До фермы номер четыре 3672 метра и приблизительно 96 сантиметров.

— Почему приблизительно?! — снова загредел голос. — Нужны точные данные!

Последовал удар кулаком, и был подхвачен новый листочек.

— Измерить точнее, — рапортовал лошадиц, — не представляется технически возможным: мерин трясет головой.

— А-а... Ну, ладно. Я так и объясню. Средняя скорость?

После третьего удара стало известно, что средняя скорость с учетом теперешней останки составила 5 километров 432 и 786 тысячных метра в час.

Голос смягчился:

— Продолжай в том же духе, но... смотри у меня!

Что-то щелкнуло, и радиосвязь прекратилась.

— Очень удобная штука, — поглаживая компьютер, сказал Володя. — Все данные в памяти держит: потертость хомута, изношенность вожжей — все фиксирует!.. Сорок две дюйки перевели в программисты. Для обработки и осмысления полученных сведений. И теперь только РАПО потребует сведения — стучишь по нему кулаком, и данные налицо...

Тем временем мы доехали до деревни. Впрочем, назвать это царство модерна деревней было никак нельзя. По обе стороны возвышались двухэтажные коттеджи. «Каждый — на одну семью!» — пояснил гордо Володя. Возле коттеджа — непременно гараж. Позади — обширные хозяйственные постройки. Чувствовался крепкий достаток.

Загорелье крепьши, обитатели детского сада, махали нам ручонками из-за штaketника и, приплясывая, напевали: «Проедут — не проедут, проедут — не проедут!»

Не успел я сообразить, что их песенка относится к нам, как в тот же миг телега тяжело ухнула в яму.

— Ур-ра! — раздалось весело из-за забора. — Не проехали! Ура!

Володя улыбнулся и, приподнявшись, шуточно погрозил пальцем: «Вот я вам, шпингалеты!» И добавил в оправдание: «Зато у нас места очень красивые, а по внедрению электроники мы вообще держим первенство!» После чего натянул сапоги повыше и, смело шагнув в жидкую грязь, приналег плечом на телегу: «Н-но! Пошел!» Мерин поднатужился, и мы поехали дальше.

Тут и вовсе Володя разоткровенничался, поведав мне, что в целях борьбы с набившим оскомину бездорожьем их председатель надумал построить настоящий аэродром. С роскошным аэровокзалом и высотной гостиницей. Уже и проект заказали.

— Если очень захотеть, ничего невозможного нет!

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

КРОКОДИЛ

№ 6 (2520) февраль

Главный редактор А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора),

А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, Р. Т. КИРЕЕВ, В. Г. МОЧАЛОВ (художественный редактор),

В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),

Э. И. ПОЛЯНСКИЙ, В. И. СВЯРИДОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, С. Веткин, В. Жаринов, Н. Малов, И. Новиков, И. Норинский, Р. Самойлов.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес: 101455, ГСП, МОСКВА, А-137, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны: 250-10-86; 212-21-73.

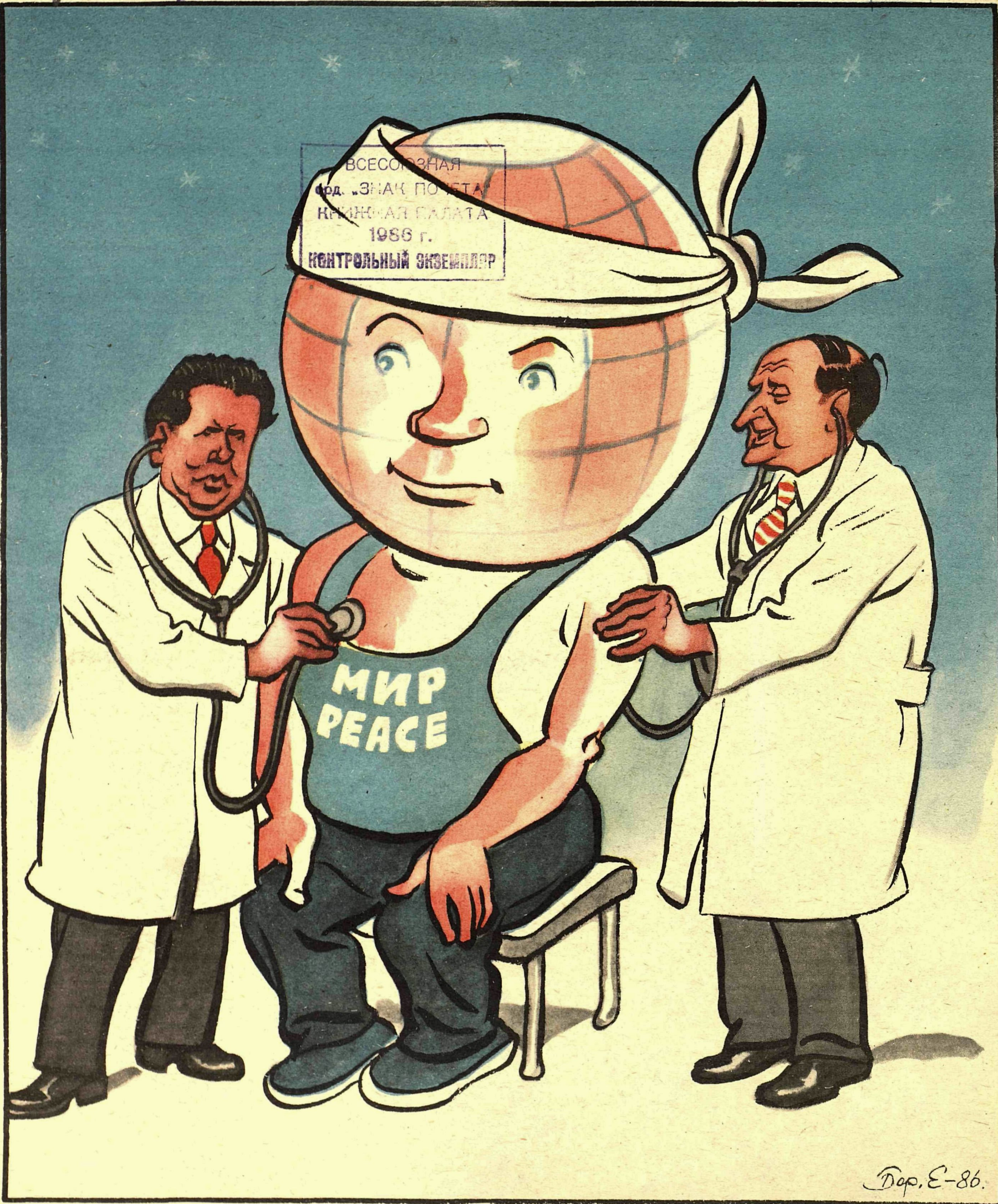
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 20.01.86. Подписано к печати 27.01.86. А 01916. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Усл. кр.-отт. 11,20. Тираж 5300000 экз. (1-й завод: 1—3150709). Изд. № 325. Зак. № 2281.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». «Крокодил», 1986 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Дар. Е-86.

— Рекомендуем чистую атмосферу...
— ...и прогулки по мирному космосу!